

Сергей Фомичёв

Триков МСУ

Сергей Фомичёв

Агриков меч

«Издательские решения»

Фомичёв С. Р.

Агриков меч / С. Р. Фомичёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746625-1

Середина XIV века. Русское средневековье. Ожесточённая борьба князей за политическое господство над Русью пробуждает иной раз силы неведомые, мистические, страшные. Небольшое Мещёрское княжество невольно оказывается в эпицентре событий. Заваривается каша интриг. Восстаёт из пепла легендарный Муром. Два князя претендуют на его трон. К политике примешивается любовь. Муромская княжна выбирает между страстью и долгом. Роман Мещёрского цикла (Мещерские волхвы). Не опубликован на бумаге.

ISBN 978-5-44-746625-1

© Фомичёв С. Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвёртая	26
Глава пятая	33
Глава шестая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Агриков меч Мещёрский цикл Сергей Фомичёв

© Сергей Фомичёв, 2016

© Наталья Торопова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Городец-Мещёрский

Русские князья большими собраниями любят себя окружать, знатю точно мехами дорогими в мороз обкладываются. Бояр бородатых, дружинников, дворню всякую призывают. Не столько разговоры там у них мудрые текут, сколько ливень из шума пустого. Всяк норovit значимость показать, сопернику нос утереть, князю понравиться лстивым словечком или напротив, острым, когда настрой иной у хозяина. А настрой ловить – премудрость великая. И кто где сидит, имеет для них первостепенное значение. На это во все глаза смотрят. Даже слово особое придумали – подсиживать – это значит с соперником местами поменяться и поближе к князю зад переместить.

Мещёрский князь Ук предпочитал в обсуждениях простоту, а в советниках числа малые. Печатник Химарь, два воеводы: Малк, по прозвищу Заруба и Лапша, которые не столько войском и оружием занимались, сколько делами текущими – вот и весь княжеский круг. Круг – одно название. Рассаживаются советники, как захотят, а то и вовсе не садятся – ходят, как и сам Ук по горнице. Говорят без оглядки, когда есть что сказать, могут один другого заткнуть, а то и самого князя перебить при случае. Зато и времени меньше уходит на обсуждения, а в решениях промашка реже случается.

Раньше на совет князь старшего сына звал, Александра, но тот теперь на Елатье сидит, подходы к стране стережёт. А младший... Князь даже крикнул с досады. Вот проказник-то где уродился – по местам гиблым с приятелями бродит, приключения ищет. Мало сам подставляется, так и сестрицу с собой таскает. Пора бы мальчишке занятие достойное подыскать, не всё духов лесных тревожить. И дочку пристроить лишним не будет. Благо теперь есть куда. И не без пользы, что хорошо.

Сегодняшний совет особым был. Не какие-то мелочи обсуждали, вроде сборов торговых или починки крепостной стены. Дело выходило крупное, если не сказать судьбоносное. Высшего разряда вопрос. И потому собрались советники не в палатах, не в княжеской горнице, как обычно бывает, а на холме, что рядом с крепостью стоит и над Окой возвышается. Открыт всем ветрам холм, но кости застудить они не страшились, а вот ушей длинных здесь опасаться не приходилось – все подходы как на ладони видны. По уму на этом месте следовало бы поставить башню или даже маленький острожек, но высоток под укрепления хватало и так, а пустырь давно приглянулся князю для коротких прогулок, когда хотелось побыть одному, подумать, на простор посмотреть, да для таких вот важных посиделок с советниками.

Чтобы не просто так на траве сидеть, ещё лет пять назад наказал князь пару брёвен на холм притащить. На них и сидели обычно, а в ямке между брёвнами костерок разводили. Глядя на дикий огонь, всегда думалось лучше, и разговор откровеннее становился. Ну, а где костерок, там и трапеза. Печей или жаровен особых не складывали – мясо на прутики нанизывали, к огню склоняли – вот и вся готовка. Вместо стола на тряпице чеснок дикий, лук, прочая зелень, овощи какие-нибудь, смотря по поре. Кувшин берёзовой браги в тени под лопушком. Но пили всегда умеренно, чтобы ум в ясности сохранить и язык прежде времени в узел не заплести.

Выслушав короткие доклады военачальников и печатника, старый князь движением руки попросил тишины и задумался, отложив непрошенные мысли о детях. Советники замерли, не смея шевельнуться, и даже поднести ко ртам налитую уже по кубкам брагу. Перебивать хозяина, когда тот говорит, они себе позволяли, но нарушать тишину, сбивать князя с мысли – совсем иное дело. Тут легко и гнев вызвать. Но даже не в возможном гневе причина. От таких

размышлений судьба многих людей зависела, целой страны, и потому терпели советники и щекотание в пересохшем горле, и покалывание в затёкших ногах и все прочие неудобства.

Впрочем, размышлял Ук недолго. Он вдруг встрепенулся, выдернул из земли прутик. Понюхал кусочек мяса, но, видимо решив, что пробовать на вкус ещё рановато, воткнул прутик на место. Затем обвёл взглядом советников и, сделав небольшой глоток из кубка, наконец, подытожил услышанное. И не просто подытожил, а развил мысли и догадки советчиков.

– Константин Васильевич столицу свою в Нижний Новгород перенёс, – произнёс он. – Зачем, спрашивается? Хотел бы покоя, в Суздале куда удобнее отсиживаться. Да и не только от врага хорониться удобно. На Владимир от Суздаля ударить милое дело – один переход всего, а у них, у князей русских, этот самый Владимир вроде посоха рябинного для наших картов. Значит, получается, Константин спиной к соблазну повернулся? Нет, неспроста это, непохоже на Константина. И новое место не просто так он выбрал. Между ордой и Москвой князь встал. Задумал что-то. Голову на кон поставил.

Ук сделал пару неспешных глотков и продолжил размышлять.

– И Юрий Ярославович Муром отстраивает. Тоже ведь неспроста. Почему именно теперь? Столько лет в деревеньке за хлипким частоколом хоронился, а тут вдруг город на старое место вернул, словно нарочно врагов собрался дразнить. Так за ними дело не станет. А Муром – вот он, рядом, лес перейти. Когда там пожар и у нас дымом пахнет.

А в Переяславле Олег укрепился. И это, стало быть, третий намёк нам сделан. Молодой он ещё, Олег, куда повернёт, не угадаешь, а только и к орде и к Москве у него свои счёты имеются. И отца его убили по-воровски, и столицу было отобрали. Теперь вот восстановил он справедливость, а будет ли дальше мстить? Кто знает?

Князь ещё раз отпил из кубка, помолчал немного.

– И это только та малость, о какой у нас сведения твёрдые, – сказал он. – А что дальше ближайших соседей делается, ещё разузнать предстоит. Что там в Литве, что у Байбороды? Тверь куда повернёт, кто на ней сядет? Но пока хватает и того, что есть. Складывается что-то такое. Новое. И я в стороне не останусь.

– Мы только и уцелели, что в стороне оставались, – возразил печатник, решив, видимо, что князь уже высказал главное. – Иначе раскатали бы давно в лепёшку тонкую, как жука раздавили бы. У мелкого зверька своё преимущество. Внимания на него не обращают – вот и ладно.

– Всему свой черёд, – сказал князь. – Когда в норе сидеть, а когда и плечо соседу подставить. В драку междоусобную я не полезу, тут ты зря, Химарь, опасаясь, но и стоять далеко от котла, когда в нём такое варево затевается, глупо. Чувствую, тут не просто какие-то старые свары наружу полезли, тут свежим ветром пахнуло.

– Думаешь, против орды Константин пойдёт? – осторожно спросил Заруба.

Малк некогда сбежал в Мещеру из Твери, где в то время московскими и ордынскими отрядами местные боярские семьи вырезали под корень. Не стала исключением и семья Зарубы. А потому и Москву, и орду он ненавидел люто, в отличие от того е князя и приятелей-советников, которые будучи мещёрскими уроженцами особой злобы к дальним врагам не испытывали. Не было к тому у них причины. Пока не было.

– Сразу не пойдёт, – сказал Ук. – Силы у него не те. И Москва в спину дышит. Но слабинку и там, и там он точно почуял.

– Решил верховенство перехватить? – предположил Лапша.

– Возможно. Но как-то замысловато у него получается. От Владимира-то ушёл, отвернулся. Хитрость такая? Как бы не наоборот.

– Как наоборот? – спросил Химарь.

– Плюнул он на Владимир вовсе, – пояснил князь. – Решил совсем выделиться от родственников. А это уже не шутка.

Ук взял прутик и уже не принюхиваясь с хрустом прокусил мясную корочку. Жир потёк по седой бороде. Князь промокнул бороду рукавом, сунул в рот пёрышко чеснока, разжевал и, наконец, сделал большой глоток из кубка.

– Хороший кабанчик, – одобрил он.

– Поросёнок молочный, – поправил Лапша. – Купец один подарил.

– Нам всё одно, – гнул своё печатник, не притрагиваясь пока к еде. – Московские князья наши земли трепать станут или Суздальские.

– Ну, так и нам всё равно от кого отбиваться, – сказал Заруба.

Подумав, глядя на мясо, он решил сперва ещё выпить. Долил из кувшина браги и в несколько глотков осушил кубок.

– А суздальцы, глядишь, и не будут так наглеть-то, – закончил он мысль. – У Константина явно иная задумка. Не с руки ему союзников во врагов превращать.

– Верно, – кивнул Ук. – Союзники ему позарез нужны, и тут нам прямая выгода светит. Одна беда – трудно мне с ними ладить. Русские князья промеж собой родственники, а мои предки все отсюда родом, из леса. Вот я и думаю. Константин больно уж высоко летает, не достать, а муромские князья хоть и той же отрасли, но люди попроще, а главное под боком живут. У меня Вяна подрастает, а у Юрия как раз сын младший в женихах ходит. Через детишек мы и породнимся. Чем плохо? Только вот я туго знаю, как у русских такие дела обстрепывают. Сватов засылают или как?

– Сватов к невесте засылают, – пояснил Заруба. – Ты, князь, не спеши. Такое дело спешки не терпит. Для начала послом кого-нибудь в Муром отправь, пусть всё подробно узнает. Нет ли там на примете другой какой невесты. А то как бы нам впросак не попасть. Пусть посол наметит, да посмотрит, что ответят. И лучше Александра отправь. Он у тебя крещёный, язык общий с Юрием быстро найдёт.

Заруба мясо кусать не стал, а засунул в рот целым куском, но кусок оказался горячим и воевода стал смешно так прихватывать ртом воздух.

– Нет, Александр мне в Елатье нужен, – возразил Ук. – Варунка, пожалуй, отправлю, пусть учится с соседями ладить. А ты, Малк, пошли кого-нибудь из своих предупредить о посольстве. Чтобы встретили там княжича, чтобы всё чин чином было.

Заруба кивнул, прожёвывая могучими челюстями остатки мяса.

– Не надо бы нам с Муромскими князьями сильно сближаться, – сказал вдруг Химарь. – Они по названию только Муромские, а случись чего – для них вера главнее будет.

– Поумнели они за последние-то годы, – не согласился с печатником князь. – От своих получили по загривку, от ордынцев добавку. Теперь не так косо на наших сородичей смотрят. Поняли, что у каждого своя вера и корчевать обычаи себе дороже выходит.

– Непрочно Юрий сидит, – гнул своё Химарь. – С ним сойдёшься, породнишься, допустим. А ну как завтра власть переменится? Прибегут к тебе родственнички помощи просить, что делать станешь?

Высказав опасение, печатник, наконец, не выдержал и взялся за мясо.

– А поможем Юрию усидеть, небось ему и бежать не придётся, – ответил Ук.

– Вместе с ним и прихлопнут тебя, – бросил Химарь.

– А ты вроде как в стороне стоять будешь? – усмехнулся Заруба.

– Гнать лошадей не станем, – заверил Ук. – Но понемногу дружбу начнём крепить.

Он подумал ещё немного и рубанул ладонью.

– И будет на этом!

После этого все трое некоторое время молча доедали мясо, зелень и допивали берёзовую брагу. Князь кивнул Зарубе с Лапшой и те отправились по делам.

– Зови детей, – сказал он печатнику.

Химарь отправился к крепости. Старый князь остался один. Ему было над чем поразмыслить, но в том-то и беда, что в последнее время он не вполне доверял собственным заключениям. Старость накладывала отпечаток на мысль. Нет, острота ума никуда не делась, но вот точность выводов и решений терялась. Сам себе перестал доверять князь, осторожен стал, остыла кровь. Вот и печатник, чувствуя это, поддакивал его старости. А время могло потребовать решительных действий, с какими только молодость совладать способна. Лет двадцать назад Ук не о свадьбе бы думал, сам бы с дружиной сорвался в Муром, без всяких там посольств и разведок. Договорился бы с Юрием в два счёта, невзирая на веру. И в Переяславль сходил бы – Олегу помог бы врагов одолеть. Но двадцать лет назад другие времена были, тогда как раз осторожность во всём требовалась. Тогда в норе сидеть приходилось, подавляя порывы. Эх, старость бы с молодостью местами поменять. Но так не бывает, а жаль.

Трое подростков – двое юнцов одногодков и девушка на год моложе парней – подошли к костру и встали стеночкой, виновато опустив головы. Старый князь поднялся с бревна, нарочито медленно, с таким же деланным кряхтением, прошёлся перед ними. Сын, воспитанник, дочь. Вот она молодость. Самая что ни на есть. Буйная, горячая, неуправляемая. Одолжить бы у них частичку, а взамен разума толику вставить.

– Так, дети мои, – сказал князь. – Смотрю, вымахали вы, пока я делами-то занимался. Не заметил даже, как время прошло. Подросли, а чем-то путным занять вас позабыли. Моя вина, спору нет. Без присмотра растёте, вот во всякую дурь и суётесь. Зачем к Сказочнику полезли, зачем старика потревожили? Звал он вас в гости? Вы бы ещё к вурдам отправились погостить.

Ответа не последовало. Все трое виновато молчали, а вот чувствовали они за собой вину или только притворялись покорными, князь разобрать не мог.

– Всё, – сказал он. – Довольно уж баловать. Пора вас к делу полезному приставить.

Ук взглянул поочерёдно на каждого и решил начать с дочери.

– Князь Юрий Ярославович Муром возобновляет. Серьёзно за дело взялся. И желаю я наш с ним союз укрепить. Так что готовься Вияна.

– К чему? – удивилась девушка.

– К свадьбе готовься. Младший сын Юрия, Пётр давно в женихах ходит. Тебе в самый раз.

Тарко, воспитанник княжеский, побелел, но смолчал. Зато сама Вияна молчать не желала.

– Вот ещё! – крикнула она. – Я к их попам идти не желаю! Назовут какой-нибудь Агло-термой!

– Какой ещё Аглотермой? – рассердился Ук. – Ты не о том думаешь. Я тебе о свадьбе говорю, о замужестве. Что у тебя за мусор такой в голове ворочается?

– Так по их закону сперва невесте имя новое от попов получить надо. Не хочу!

– Вот ещё, – фыркнул князь. – Александр крещёный и от тебя не убудет. Нашей-то вере крестик не помеха. Вера, она не в вещах рукотворных заключается. Поедешь к брату в Елатьму, посмотришь на церкви тамошние, на священников. Поговоришь с ними, подготовишься.

– Не поеду к Сашке, чего я там забыла? – топнула ногой княжна.

– Поедешь! – отрезал князь. – Завтра же и поедешь! А ты, Варунок, отправишься в Муром с посольством. Разведает всё про Петра и вообще посмотришь, чем дышат соседи, чем живут. Но об этом мы с тобой позже поговорим. Отдельно.

Варунок спорить не стал. Да и то сказать – по сравнению с сестрой можно сказать легко отделался. Посольство не свадьба. Разлука с домом не вечная. К тому же прав отец, если подумать, пора за ум браться.

Князь между тем шагнул дальше и за воспитанника взялся.

– Ты, Тарко, сходи, предков проведай, всё как положено, а к осени возвращайся. Пора и тебе достойное занятие найти. Ты мне как сын. Вот как сына я тебя тоже к посольскому делу приставлю. Хотел сперва к Зарубе в дружину определить, но нынче язык подвешенный для нас важнее меча. И туда нужно успеть и сюда, а чужому-то не поручишь. Так что давай, сходи, а как вернёшься, поговорим.

Тарко князя слушал вполуха. Собственная судьба его сейчас мало заботила. Вияну в чужой дом отдадут – вот где беда.

***

После княжеских наставлений как из бани вернулись подростки. Лица красные, только что пар не идёт от тел.

– Позабавились, называется, – Вияна вздохнула. – Нет, ну, зачем мы полезли к Лесовику? Я ведь вас отговаривала.

– Ты отговаривала, не потому что отцовского гнева боялась, – возразил Варунок с улыбкой. – Просто страшно тебе стало к Сказочнику идти,

– А ты, братец мой, болтал бы поменьше, – набросилась на него Вияна. – Глядишь, не узнал бы никто, куда мы ходили.

– Ты что же думаешь, отец только теперь всё это придумал? – горько усмехнулся княжич. – Не полезли бы к Сказочнику, другую шалость нам в вину бы поставил. Раз решил он с русскими князьями породниться, значит, так тому и быть.

– А меня он спросил? – возмутилась девушка. – Да я сбегу лучше. В лес куда-нибудь.

– Ну, ты же и не видела его ещё, жениха-то, – ухмыльнулся Варунок. – Аглатерма!

Вияна размахнулась, попыталась ударить брата.

– Не дури, глупая, – перехватил тот руку.

Тарко стоял, оглушённый новостями. Едва удержался от дерзости, когда князя слушал. Не по себе ему стало. Вияну отдадут в чужой дом. Какому-то князю отдадут. Навсегда!

– Да уж, надурили, дальше некуда, – чуть не плача сказала княжна.

Тарко вздохнул. А сколько страху было, а сколько смеху, когда страх отпустил, сколько веселья на обратном пути. После разговора с отцом друзья и про страх забыли и про смех, теперь переживают и злятся. И на Тарко в том числе злятся – его же задумка была к Сказочнику пойти.

– Давай и правда убежим в лес, – предложил он. – Я такие места знаю, никто нас не найдёт. Дом можно поставить или шалаш...

– А ты что себе возомнил? – набросилась на него Вияна. – Стеречь меня будешь? Так мне сторожа не нужны. Тоже мне охотник выискался. Ты о себе прежде подумай.

– Чего думать-то? – не понял Тарко.

– Знаешь, шёл бы ты сам в свой лес, невесту искал бы по себе. В лесу выбор богатый.

Тарко точно пламенем по лицу стегануло. Жарко стало, больно, а глубоко внутри закипало что-то. Отшатнулся он от девушки, развернулся и выбежал прочь с княжеского двора. Не заметил, как проскочил ворота, а куда потом повернул, даже не думал. Потому что думал совсем о другом.

Вон оно как вышло-то. Пробудилась в девушке княжеская кровь. На простого парня смотреть не желает больше. О Муромском княжиче уже, верно, думает, хоть и кривляется. Тоже ещё князя! Не с неба, наверное, сюда свались, из одного леса вышли. Чего ж теперь нос воротить? У самого Тарко вон бабушка овда, так он разве кричит об этом?

Мысли метались как язычки пламени, перекидываясь с одной веточки на другую, а юношеское воображение веточек много подкидывало. Но, вспомнив вдруг бабу, Тарко даже от переживаний на время отвлёкся.

Многие из мещерцев числят себя в родстве с овдами, но большей частью это всё сказки, байки семейные. А он, Тарко, точно знает – есть между ними родство. Сманила давным-давно прекрасная овда деда его, когда тот парнем молодым ещё был. Лет десять он жил в холмах пустых. Но не забылся, как часто с парнями случается. Тосковал сильно по миру оставленному, по людям. Зжалилась овда, отпустила его, что тоже большая редкость. Вернулся дед к старому дому, зажил по-прежнему, хотя и сменил одну тоску на другую. А лет через пять ему ребёнка подбросили – мальчишку. Тут и вопросов не возникло, кто да почему. Овды девочек всегда себе оставляют, а мальчиков людям подбрасывают.

Могло бы и это семейной сказкой оказаться. Да только Тарко со своей бабушкой встретился однажды. Вовсе на старуху не походила бабушка его. Молодой девицей выглядела, каковой, наверное, и деду когда-то явилась. Пришла она, когда отец погиб. Нелепо погиб, случайно. Посидела овда с Тарко, погрузила, но всё больше молчала. А на прощание оберег подарила. Не совсем оберег, а змеевик путеводный. Но и оберег тоже. Бабушка тогда и присоветовала ему в город к князю идти – в лесу без семьи жить плохо. И князь его тепло встретил, как подозревал Тарко, не без её содействия.

С помощью бабушкиного оберега он в такие места дорогу мог отыскать, в какие обыкновенному человеку ни за что не пройти. Даже на вурдовы тропки иной раз выходил. Хотя пользоваться ими опасался – прознай хозяева о вероломстве таком, из-под земли бы достали. И к Дедушке он друзей привёл, зная приметы нужные, на какие оберег отзывался. Просто так ведь Сказочника не найдёшь. В двух шагах от него будешь и не заметишь.

Но вот ведь как вышло. Хотел перед Вияной удаль показать, а получилось, что гнев вызвал. Незаслуженный гнев, потому и вдвойне обидно. Да ещё свадьбу эту князь придумал. Затосковал Тарко. Чужой он здесь. Ни родичей, ни друзей, кроме Уковичей. Некому обиду излить.

Ук ему отца заменил, да только никакой отец такими обидами заниматься не будет. На князя Тарко, впрочем, не сердился нисколько. Тот человек занятой, недосуг ему за детьми приглядывать, прихоти разбирать, сопли вытирать. А вот Вияна всерьёз обожгла.

Ноги сами понесли Тарко к чародейской слободке. Сокола можно, пожалуй, к друзьям отнести, хоть в годах между ними целая пропасть. В годах пропасть, а многое старик лучше сверстников понимает. И выслушать готов любую глупость, да так, что та вдруг и глупостью быть перестаёт.

Сокол поселился в городе лет шесть назад, хотя старики поговаривали, что где-то в Мещере давным-давно он и родился. Но ушёл и много лет странствовал по дальним странам. А на старости вот решил вернуться. Правда, старости такой многие молодцы позавидовали бы. Подков чародей пусть и не гнул, но крепок был как дуб вековой.

***

Выслушав юношу, Сокол пожал плечами.

– Вы бы ещё на край света отправились, да мышшь на верёвке спустили – просто посмотреть, как это слонам понравится, которые твердь подпирают земную. Вот зачем вам потребовалось за Дедушкой подглядывать? Его вурды не трогают, овды родичем дальним считают, а всё равно сторонятся; русские уважительно Лесовиком зовут, хотя никакой он конечно не Лесовик.

Тарко слонов никогда не видел, даже на рисунках, какие ему чародей иногда показывал, и что они твердь земную на себе держат, не слышал. Сокол-то по всему миру бродил и собрал всяческих небылиц, одна нелепей другой. Но только и сам чародей всегда утверждал, что Земля круглая и висит среди звёзд безо всякой опоры. Понятно, что про слонов это он пошутил, вернее, захотел показать сравнением таким важность покоя для Сказочника. Да видно переоценил познания молодого товарища.

– Не похож он на дедушку, Дедушка этот, – заметил Тарко. – Парень молодой. Такому только меч в руки вложи и хоть к Зарубе на службу – уж не хуже Дуболома будет в строю смотреться.

– Он тебе и старухой беззубой мог объявиться, – проворчал Сокол. – Той, что с косой бродит.

– Так ведь он не колдун, – возразил юноша.

– Не колдун. А то оборачиваться одни колдуны умеют.

– Я думал он простой сказочник. Ну, не простой, конечно, древний очень и с духами лесными разговаривать умеет, помощь от них получает. И сказки его не просты, а с подоплёкой, с намёком.

– Сказочник? – Сокол задумался. – Можно и так сказать. Говаривала Кавана, будто сны он теперь на людей наводит. Правда, нет ли, не знаю. Но я думаю если оно и так, то это со скуки.

– А старики говорили, будто раньше ходил он по сёлам и сказки рассказывал. Оттого, мол, и Сказочник.

– В те времена, когда Дедушка к людям заходил, твои старики моложе тебя нынешнего были, вот и напутали. Сустай он. Христиане таких проповедниками называют. Он больше чем колдун. И больше чем карт. Дедушка в себя всю мудрость народов лесных впитал, ей и делился с людьми. И то, что твои старики за сказки принимали, это предания, история наша. Вся суть наша в рассказах его.

Заметив, что Тарко не вполне его понял, Сокол решил объяснить иначе.

– Письмо ведь у нас не придумали, власти единой не поставили, языки и те различаются. Люди завсегда малыми селениями жили, родами. У каждого свои боги, свои обычаи, свои рощи священные, свои предания. А сустай из бисера этого разнообразного единый узор сплетал, нанизывал бусинки на общую нить. И каждый из людей через сустая знал, что он не сам по себе, но частица целого.

А потом рассыпался узор. И не вина в том сустая. Внешняя сила пришла, навалилась, разрушила единство. Города чужие как гвозди в дощечку тонкую вонзились. Трещины пошли, раскололась дощечка. Разбрелись народы по углам, у каждого племени карты да князья толкование преданий на себя взяли. Кто-то попам поверил, крещение принял, а другие разуверились вовсе.

Не нужен стал людям сустай. Вот и ушёл Дедушка в лес дремучий, подальше от мира. Дедушка, кстати сказать, не единственным сустаем был, но до наших дней только он дожил. Я имею в виду из тех настоящих сустаяв. Может, потому и дожил, что от людей ушёл вовремя.

– А куда же он теперь отправился? – спросил Тарко.

– Как то есть отправился? – озадачился Сокол.

– Так. Собрал мешок с припасами, дверь в хижинке своей дрыном подпёр и отправился.

– Надеюсь, не от вашего шума он сбежал?

– Да нет, когда мы выглянули, он уже на пороге стоял, и сапоги запасные в мешок записывал.

– С чего бы ему путешествовать? Он ведь и так, одним духом своим может в любой уголок заглянуть. Незачем костями-то попусту греметь, да подошвы стирать.

– Это если в наших лесах, то и духом можно. А если дальше куда он надумал идти?

– Куда же? Но постой, вижу, задумал ты что-то...

Тарко просиял. Всё же свой человек чародей – всё понимает.

– Раз ушёл Дедушка, то дорога к Стылым Марам теперь открыта, – объявил он свой замысел. – Давно я туда сходить собирался, только его наваждения и мешали пройти.

– Вот оно что, – буркнул Сокол. – Мало тебе князь уши-то драл?

Тарко нахмурился.

– Кабы уши надрал, я бы стерпел, ушей не жалко... – начал он, но договаривать не стал.

А Сокол, занятый своими мыслями, перемен в настроении юноши не заметил.

Глава вторая

Овды

После того как он обошёл половину известного мира, после того как жил подолгу в самых причудливых местах, в племенах, городах и странах, впитывая обычаи, изучая языки, постигая ремёсла, науку, Сокол и сам изменился, и уже не мог отнести себя однозначно к народу, его породившему.

И почувствовав однажды, что устал от блужданий, он хоть и решил остановиться именно здесь, в родных мещёрских лесах, но выбрал под жительство поставленный некогда русским князем Городец, где исконные жители давно оторвались от корней, оставаясь при том на месте; перемешались с пришлыми народами. И с муромой, ушедшей из разорённых ордынцами селений, и с мордвой, и с многочисленными русскими, как с христианами, так и с приверженцами старых богов. И всё это породило новое племя, отчасти знакомое, отчасти чужое. Но, что важно, чужое не значит враждебное. Иные понятия воцарились среди обитателей Городца.

Город будто отражал многообразие мира, был малым слепком его. Котёл, мельница людей и народов, их обычаев и законов, знаний и языков – перетёртых, обкатанных, подогнанных один к одному.

И даже привычную Мещёру здесь на свой лад называли – Мещера – причём с ударением на конце. И поначалу это резало ухо, но потом Сокол привык, как прежде привыкал к тем или иным странностям в любом другом месте, куда заносило его проведение.

А сам он стремился жить в согласии с миром, принимал его таким как он есть. И только нешуточная угроза могла заставить его вмешаться в естественный ход событий, встать на какую-нибудь из сторон.

***

Лешак, староста торговый, чародею улыбнулся приветливо. Сокол частенько выручал местных купцов и покупателей, когда нужда возникала сомнительный товар проверить. И не столько волшебством помогал, к которому старался прибегать как можно реже, сколько познаниями широкими. Много чародей странствовал, много в тех странствиях на ус намотал. И в мехах северных понятие имел, и в шелках восточных разбирался, и в пряностях южных толк знал. А раз так, то почему бы и не поделиться знаниями с людьми? Да притом заработать на хлеб.

– Гостей много? – спросил старосту Сокол.

– Куда там, много, – вздохнул Лешак. – Хиреет наш торг.

– Ну, это ты всегда так говоришь, – усмехнулся чародей. – Вон та опушка раньше зелёной была, а теперь вытоптали, и лес шагов на двадцать отступил.

– Эка вспомнил, опушка! – воскликнул староста. – А ты вспомни, какой здесь разлив купеческий два года назад образовался! По спуску до самой реки гости товар раскладывали, за каждый пятачок чуть ли не в кулачки пускались, бороды рвали друг другу. А теперь как Муром возобновили, так многие туда торговать потянулись. Да ещё Нижний Новгород растёт, купцов сманивает. Нет, что ни говори, хиреет торг наш.

– Всякое бывало, – согласился Сокол.

– Сам-то по делу? – осведомился Лешак. – Позвал кто? Или прикупить что надумал?

– В попутчики вот хочу напроситься, – ответил чародей.

– Куда собрался? Давай подскажу к кому подойти можно.

– Нет, Лешак, тут ты мне не помощник. Встретиться нужно кое с кем. А где встретиться я и сам пока не знаю.

– Мудрёно говоришь, – вздохнул староста. – Хотя, если подумать, тебе наче и не положено. Ну, смотри.

Сокол ровно этим и занялся. Присматривался к гостям, которые уже сворачивали поне-много торговлю. Кто-то здесь ночевать собирался, кто-то на дорогу до темноты встать решил. За день всё равно никуда не поспеть с возом тяжёлым. Хоть так, хоть эдак ночь в дороге заста-нет, но если прямо сейчас выйти, несколько часов можно выгадать, а, кроме того, спокойнее оно, когда на путь встал, вроде как сдвинулось дело и к дому поближе.

Скоро приглядел Сокол одного мужичка не из местных. Бойкий такой и смелый – один без товарищей или родни, а поговору видно, что издалека приехал. Чумазый точно арап, но не от грязи чёрен, от ремесла. Продавал мужик уголь и дёготь и смолу. И всем он хорош был, одно плохо – с лошадьёу уж больно круто обходился. Будто у врага смертельного живот-ное позаимствовал. Пока запрягал, дважды ударил без причины, выругался. Тем, собственно, чародею и приглянулся.

– В попутчики возьмёшь? – спросил его Сокол, когда тот закончил вязать поклажу.

– А куда тебе, старик?

– Всё равно. Да хоть до Кадома подвези.

– Нет, я в другую сторону собираюсь.

– Не угадал я, – озадачился Сокол. – Что ж, в другую сторону тоже будет неплохо.

– Ишь, ты! – прищурился угольщик.

– Ну, так что, подвезёшь?

– Боязно что-то, – не стал скрывать мужик. – То в Кадом тебе, то в другую сторону. Может, ты с разбойниками заодно? Ходишь тут, присматриваешь добычу, а потом на доро-женьке встретят нас да грузилом на верёвочке угостят.

– Как же я разбойников наведу, если не знаю даже, куда ты путь держишь?

– Вот уж понятия не имею, как у вас там всё делается.

За спиной возник староста.

– Подвези человека, Коробок! Ручаюсь, что он не разбойник.

Уловив как-то желание Сокола, Лешак не стал открывать его.

– Не разбойник? – переспросил угольщик с недоверием.

– Мало того и от настоящих разбойников тебя прикроет, – заверил староста. – Он хоть и старик с виду, а ихнего брата ох как гоняет! Будь здоров! Ты же ночевать на дороге будешь, а вдвоём не так страшно.

– Так пусть объяснит толком, чего хочет, – сказал Коробок. – А то тень на плетень наво-дит, точно искуситель какой.

– Не может он объяснить, – Лешак перешёл вдруг на шёпот. – По важному делу старик отправился. Не нашего с тобой ума.

***

Довольно долго они ехали молча. Возле Напрасного Камня, где расстаются Елатомская и Муромская дороги, хозяин возка, наконец, заговорил и Сокол подметил, что не первый раз такое случается. Молчат люди, выезжая из города, а как только Напрасный Камень проезжают, вдруг отпускает их забота, словно оттаивают они, говорить начинают.

– Ты, старик, вообще-то далеко едешь? – спросил Коробок.

Сокол покосился на кнут в его руке и сказал уклончиво.

– Возможно, до заката и доберусь, куда надо.

– Да тут вроде ни одной деревеньки нет.

– Есть. Только не возле дороги они стоят.

– Хорошо тут у вас, – одобрительно сказал Коробок. – Народ добрый и казённые люди не особенно придираются. На Москве-то меня обманывали не раз. Поверишь ли, в одних обносках оттуда уходил.

– А откуда сам? – спросил чародей.

– Из Владимира я. Ну, не из самого Владимира, а там, на Клязьме из селца одного. Из Быкова.

– А чего ты в такую даль уголь возишь? – полюбопытствовал Сокол. – Невыгодно, наверное, такие концы делать?

– Так я не вожу, – улыбнулся Коробок. – На месте жгу. И не только уголь. И смолу бывает, гоню и дёготь берёзовый. Иногда и сажу выделяваю. Спрос на неё невелик, но на Москве монахи охотно брали – печная-то сажа против моей – серая серость. Углём конечно чаще всего промышляю. Уголь он всем нужен. Как приеду куда, сперва местный промысел посмотрю, с людьми сойдуся, кузнецов поспрашиваю, углежогов местных, а потом уж и сам пробую так и эдак. И по-своему и перенимаю что-то.

– А чего на одном месте не сидится?

– Любопытно мне посмотреть, как где ремесло идёт, – задумчиво произнёс мужик и вдруг глаза его вспыхнули. – Тут ведь как. И дерево берут разное и кучи кладут по-своему. Одни в землю углубляют, или дёрном обкладывают, другие так просто кладку палят. И погоды разной дожидаются – кому тучку хмурую подавай, кому солнцепёк лучше. И наговоры у каждого свои, приметы. Любопытно всё это мне постигать, сравнивать.

– Вот оно что, – уважительно заметил Сокол.

Не простой, значит, углежог ему попался. Учёный человек, можно сказать. Мудрости собиратель. Даже жалко его Соколу стало. Он подумал о собственном деле и всё же решил предостеречь спутника для очистки совести.

– Оставь кнут, человек, – сказал чародей. – В этих местах не принято бить лошадей.

– Что ж это за места у вас такие особенные? – усмехнулся тот недоверчиво.

– Такие вот, – сказал Сокол.

– Да что же её уговаривать, лошадь-то? – возмутился Коробок. – Шагает еле-еле.

– Шагает же, – возразил Сокол. – А бить не прекратишь, вовсе без лошади останешься.

– Как так? – чуть не подпрыгнул угольщик.

– Про дев лесных слышал?

– Это что же, про русалок или как?

– Нет, не про русалок.

– Другие у вас, значит, девы в лесу обитают?

– Другие, – согласился Сокол. – Девами лесными их ваши прозвали, русские, а здесь их чаще овдами зовут, что, по-вашему, сов означает. Якобы в сов они перекидываются. Но это сказки. Дружат они с совами – это верно, а перекидываться не умеют.

– Забавно, – согласился Коробок. – А лошади тут причём?

– Ты слушай. Путь-то долгий, я тебе сказку одну расскажу.

– Что ж, послушаю, – согласился тот.

– Жил в наших краях мужичок. Один жил, без семьи. Работящий, хоть и бедный. Труд-то не всегда к достатку ведёт. Чаще наоборот бывает.

Коробок кивнул. Что верно то верно.

– Добрый он был, мужичок этот, – продолжил Сокол. – Ни человека не обидит, ни животное. На лошадке своей землю пахал ровно столько, сколько та без понукания тянула. А как выдыхалась лошадка, вставала, так он сразу в стойло её уводил или на травку отпускал – смотря по погоде. Жалел очень. Но вот заметил как-то, что хоть он её и жалеет, а по утрам лошадка вся

в мыле оказывается. Как бы ни берёг её, а будто день напролёт трудилась. Что за оказия? Долго мужичок думал и додумался проследить за лошадкой. Ночью в конюшне спрятался, рогожкой укрылся. А как луна поднялась, глядь, овда туда заявилась. Вывела лошадку из стойла и в лес.

– Чего ей нужно-то было? – спросил Дегтярь.

– Известно чего. Каталась она на лошадке всю ночь.

– Каталась? – удивился Дегтярь.

– Ну да. Любят они лошадей, овды-то. И кататься любят и вообще. Так ты слушай дальше.

На следующую ночь подловил он овду. Как, не скажу, не знаю, то ли мешок на неё накиннул, то ли за косу схватил. А только попалась она. Но он ведь незлобный был человек. Неволить не стал, тем более непотребство какое-нибудь учинять. Спросил только, зачем она чужое животное трогает? Лошадка, мол, устаёт и через это хозяина в нужду вводит, так как не может он с долгами расплатиться при работе такой.

А овда ему и говорит: «Ты теперь нужды знать не будешь. Потому как за доброту твою к лошадям, оплатим тебе». А как и что, не сказала. Засмеялась, вырвалась и убежала в лес.

Но мужичок и сам всё понял на следующий день. Запряг он лошадку в соху, как обычно, пахать начал, тут-то чудеса и начались. С землёй то медную монетку выворотит, а то и серебро блеснёт. И в первый день так, и на следующий. И как только набиралось денежки на то чтобы нужду покрыть, вставала лошадка и дальше ни шагу.

Зажил с тех пор мужик неплохо. Концы с концами сводил, с долгами расплатился. На еду, на обзаведение хватало, невесту в ближнем селе приглядел.

И всё бы хорошо, но стала его вдруг жадность точить. Больно уж легко монетки из земли лезли. А лошадка будто без причины вставала. Так, разленилась от ласки-то. Но не ей ведь решать, довольно собрано или нет! Так рассудил мужичок.

И как-то раз не выдержал, ударил лошадь кнутом, когда она встала. Вздогнула лошадка, но потянула дальше соху. И полезли из земли монеты. Да не медь с серебром – золото пошло. То дирхем арабийский, то червонец цареградский. А мужичку всё мало. Алчность совсем его одолела. До самого заката гнал он животное. И к вечеру уже целое состояние собрал. Теперь и сватов засылать не стыдно было, и на новый дом хватало, и много на что ещё.

А утром лошадки в стойле не оказалось. Он сразу понял – овда свела животное, больше-то некому. И за что свела, тоже понял. Загоревал. Но что поделать. Купил он другую лошадь. Та уж монет не приносила, конечно, как бы он её не жалел. Да и жалость его теперь не от доброты шла, от ожидания наживы.

Женился мужичок. Но только и женитьба счастья ему не принесла. Девушка только до свадьбы кроткой была, а уж потом взялась за него. Запил он и вскоре помер.

– Спасибо за сказку, старик, – поблагодарил Коробок. – Дорогу через это маленько скоротали и то ладно. А только с кнутом ещё больше скоротать получится.

В следующие полчаса ещё дважды углежог спину лошадиную ошпарил, а как в третий раз замахнулся, вдруг, откуда ни возмись, стрела прилетела, да кнут у самой рукояти и перебила.

Возница охнуть только успел, как на дорогу всадницы выехали. Красивые девушки. Таких в лесных селениях не встретишь. Стройные, белые, глаз не оторвать. И красота их особая была, неземная. Да только Коробку вскоре не до соблазнов стало.

– Выпрягай лошадку, человек, – приказала хозяину одна из всадниц. – Пешком дальше пойдёшь.

– Я тебя предупреждал, – сказал Сокол, слезая с повозки. – Да не впрок тебе сказка пошла. Вот и приехали.

– Чародей? – улыбнулась овда. – Давненько тебя не видели.

– Приветствую, Лэсти. Не знал, как разыскать вас, а нужда возникла. Вот подсел к человеку удачно.

- Долго выбирал? – усмехнулась овда.
- Он сам себя выбрал.
- Пошли, поговорим, – встряхнула головой девушка.

Коробок вдруг опомнился, осознал, к чему дело идёт. Бухнулся на колени, прямо в грязь дорожную, проревел вслед уходящему чародею:

- Отец! Не губи! Куда же я без лошадки-то?
- Сокол вопросительно посмотрел на спутницу.
- Ещё чего! – фыркнула та.
- Прости, у них своя правда, – сказал чародей мужику. – А я над ними не властен.

Но всё равно как-то нехорошо получилось. Мужик вроде бы неплохой. То, что с лошадкой груб, так мало ли какая тому причина. Овдам-то причины искать недосуг, но ведь он человек. Однако Сокол заставил себя не лезть в это дело, а мгновение спустя ветви сомкнулись за их спинами, отсекая возражения совести и проклятия путника.

- Не с Эрвелой встречи ищешь? – спросила Лэсти.
- С ней.
- Повезло тебе. Неподалёку она. К нам спускаться не будешь?
- Чего я у вас не видел? – чародей присмотрел сухую кочку и устроился на ней. – Здесь подожду.

Девушки увели лошадей вслед заходящему солнцу и вместе с солнцем исчезли среди деревьев. А потом вместе с яркой луной появилась Эрвела. Сокол даже не заметил, откуда она пришла. Просто возникла перед ним лесная царица, закутанная длинную полупрозрачную накидку, так что воображение легко угадывало очертания её гибкого тела, но и не более того. И только бледный овал лица оставался открытым. В таком одеянии овда походила на какую-нибудь восточную княжну, и чародей вспомнил кстати, что имя её как раз восток и означает.

– Здравствуй, чародей. Какими судьбами? – Эрвела присела на пенёк, запахнув накидку плотнее.

- Дедушка ушёл, – сообщил Сокол, не растрачивая время на приветствия.
- Ушёл? – удивилась та. – Далеко ли?
- Не знаю, – буркнул чародей. – Важно, что ушёл.
- Как это мы его проморгали? – нарочито нахмурилась овда. – Колдовство, не иначе.
- Тебе весело? – Соколу всегда трудно давались разговоры с лесной царицей. Не поймёшь, когда она шутит, когда всерьёз говорит. От иных вестей волосы встают дыбом, а ей смешно.

– Ну так, чего печалиться? – сказала Эрвела. – Мы ему пастыри что ли? Пришёл человек усталый. Поселился в лесочке, отдохнул, сил набрался, теперь дальше пошёл.

Овда шмыгнула носом и осторожно коснулась его краем накидки.

- Простыла? Ты же знаешь, такие как он просто так не уходят.
- Знаю. Сказочник он. Может, сказки пошёл детишкам на ночь рассказывать.
- Будь серьёзней! – призвал чародей. – Сказочник... проклятье, вот же прилипло прозвище.

– Ты же знаешь, прозвища просто так, без причины не прилипают. Если предания превратились в сказку, то и сустан вполне подходит сказочником быть.

– Я, знаешь ли, в сказках тоже понятие имею. Выпустишь такого вот духа из лампы, потом не знаешь, как обратно заманить. Новости всякие приходят. Города поднимаются, княжества крепнут, клинки куются. Опасаюсь, как бы он на войну с русскими да с ордой не отправился народ подбивать. Дедушка убеждать умеет. Его слово как вино по жилам с кровью расходятся. А вино дело такое – кому лекарство, кому дурман, а кому и яд. А желающие услышать найдутся. Вон хоть Байборода со своими парнями. Только кличь кинь, мигом подхватят. Так полыхнёт, что головешки во все стороны полетят.

– Ты же знаешь, нам до ваших людских распрей дела особого нет. Но если подумать, может и пора бы уже полыхнуть, а, чародей? Истает племя лесное, если всё время по глухим местам хорониться будет.

Знала владычица лесная, как его за живое поддеть. Знала и пользовалась.

– Всею своё время, – сказал чародей. – Раньше надо было огонь разводить, когда чужаки появились только в наших лесах. Когда с дружинами пришли порядки свои устраивать. Но тогда один Соловей с малым отрядом поднялся. Остальные выжидали. Скворец вон надеялся за стенами отсидеться. Не помогли ему стены. И овды как всегда в стороне остались. А теперь что ж суетиться? Теперь поздно. Теперь иной подход нужен. В прошлом искать врага, за спину оглядываться глупо. Не назад нужно смотреть, вперёд, в будущее. Русские уже укоренились и никуда не уйдут отсюда. Да и орда степная лесу не угроза. Нечего ей в лесах-то искать, простор не тот. Так что сообща жить предстоит и с теми, и с этими. И враг, скорее всего у нас общий будет. Вот тогда-то и стоило бы огонь подносить.

– А может пришло и это время? – Эрвела вновь шмыгнула носом.

– Я бы почувствовал, – не очень уверенно сказал чародей.

– Ну, положим, политику ты всегда плохо чувствовал. А тут никакого колдовства, чистые интриги. А вот Сказочник вполне мог разобраться, понять. Он хоть и в лесу жил всё время, а в страстях людских побольше твоего разбрался.

– Последняя у меня надежда на Дедушку оставалась, – вздохнул Сокол. – Последняя стрела в колчане. Не вовремя он ушёл. Боюсь, даром пропадёт выстрел. А того хуже – кровавая каша заварится. Истребят наши народы друг друга, общему врагу на радость.

– Ну, уж не поверю, будто ничего про запас ты не приберёг, – засмеялась овда. – Дедушка, конечно, большая сила, ничего не скажу, да только ты ведь всех лошадей в один табун не сби-ваешь. Думаешь, не знаю, что ты с белым священником на севере искал?

– С Каликой-то? – уточнил Сокол. – Это что же, лошадки тебе нашептали? Да было дело ходили с ним, искали врата. Он свои, конечно, а я свои, хотя кто его знает, может одни они для всех врата-то, только пути разные к ним ведут.

Сокол помолчал, потом продолжил.

– Только видишь ли, Врата – это последнее средство. Край. Бездна. Всё равно, что ножом себя по горлу полоснуть. Если выхода не останется, тогда конечно, можно и по горлу, но я бы и под этой луной ещё поборолся.

– Хороший ты собеседник, Сокол, – сказала Эрвела. – Как с тобой побеседуешь, так и жизнь новыми красками заиграет. Умеешь приободрить девушку. Жаль встречаемся редко.

– Потому и редко, что ты всякий вопрос на смех изводишь.

– Не сердись чародей, – улыбнулась овда. – Поищем Сказочника твоего. Поспрашиваем сестёр, с лошадками пошепчемся. Как что узнаем, кинем тебе весточку.

Она подумала и убрала улыбку.

– А если желаешь серьёзного разговора, изволь. Меня во всём этом другая сторона беспокоит. Куда и зачем ушёл Дедушка любопытно, конечно, но на нём многие защитные чары наши держались. Вот с чего разговор начинать надо было.

Вот об этом Сокол и не подумал. Защита мещёрского края его меньше беспокоила. И ставили её чародеи и колдуны без него. Далеко он тогда был. Потому и не подумал сразу. А подумав следовало.

Когда на мещёрский лад шалаш ставят, три жерди скрепляют верхушками и уж на них наваливают всё остальное. Можно и больше жердей брать, но три обязательно. Одну из них убери – рухнет шалаш. Но не сразу рухнет. Веточки незначительные цепляются друг за друга,

держат сооружение. Простоит шалаш до первого сильного ветра или дождя проливного. Тогда и осядет, сложится в кучку хвороста. Огонь поднеси и сгорит.

Так и защита мещёрская была устроена. Разные силы в её возведении участие приняли. Как только чужая воля накатила, захлестнула лесные народы, всем миром взялись за дело. Ставили обереги, тропки тайные от чужих глаз скрывали, пути путали, священные рощи и селения прятали. Злой умысел не мог проникнуть в леса заповедные. По рекам, по дорогам проезжим многие из врагов ходили, да только вглубь заглянуть не могли. Просто не видели. Лес он и есть лес. И повелитель мёртвых Кугурак и овды и чародеи постарались. Словно жерди держали их заклинания на себе щит. А убери одну из опор, ослабнет всё остальное. Сустай такой жердью являлся. Одной из основ. Ушёл он. И значит, теперь только на веточках малых всё держится. Веточки в этом иносказании – обычные люди. Они обладают волей, но их воля слаба. А ветер, что готов разметать защиту наделён мощью невиданной.

– Вот видишь, и ты меня приободрить сумела, – усмехнулся Сокол, поднимаясь.

Глава третья

Княжна

За одно лето Муром восстал из пепла. Долго дожидались князья удобного часа, долго в сельском острожке отсиживались, который только из уважения к князьям Муромом называли. И вот, наконец, дождались. Не все дождались, правда, Василий Ярославович помер пять лет назад, брату Юрию завещал прежний Муром отстроить.

Пришло время. Стихла волна набегов, ослабли старые враги, а новые пока только силу набирают. Самая удобная пора, чтобы земли в порядок привести, власть укрепить, славу утраченную вернуть. В таком деле угадать со временем главное. Узок отмерен судьбой час. Раньше выступишь – на кулак нарвёшься, последнее растеряешь; промедлишь – навсегда опоздаешь, а итог тот же. Растащат по клочкам страну, перемежут. Желающих много. И потому, когда час пробил, решительно действовать надо, быстро, нагло даже. Юрий Ярославич действовал. Весной ещё лес на старом пепелище шумел, а к концу лета уже город стоит.

Не принято у православных на могилах селиться, но шесть десятков лет прошло после сожжения города ордынцами. Угли размыло дождями, пепел разнесло ветром, а кости никем не похороненных защитников и горожан давно растащили звери. Местность сперва травой поросла, кустом, потом молодыми деревьями, которые как раз подросли, и люди теперь рубили лесок на брёвна, жерди и прочие надобности, восстанавливая хозяйство.

Над Окой возвышался свежесрубленный кремль, ещё не обмазанный, как положено, глиной, с не засыпанными землёй простенками, ещё не крепость, намётки. Его ставили в первую очередь, а, поставив, старались до наступления зимы отстроить и посад, и пристани, и торг. Но больше чем холодов опасались врага, а потому углубляли и укрепляли дёрном и камнем рвы, устраивали мосты через них, надстраивали башни.

Кругом лежали щепки, стружка, ободранная с бревен кора, хвоя, мелкие ветки. Обычно у людей всё шло в дело и каждой щепке применение находилось, где на растопку, где болотистую землю засыпать, но сейчас мусор не успевали подбирать, так круто взялись за дело князья и их строители. Уже просматривались очертания княжеских палат и двора, будущих улиц и торговых рядов, совершались первые службы в новенькой церкви Благовещенья, а кое-где у особенно расторопных людей уже поднимался над домами уютный дымок.

Каждый день прирастал Муром жителями, каждый день приходили новые люди. По зову князей и сами собой. Кто поодиночке, а кто целыми семьями и даже деревнями. Одни подходили из окрестных селений, решив бросить убогую жизнь землепашца, другие возвращались из-за Оки, из мордовских и мещёрских лесов, где в своё время их предки укрылись от частых набегов орды. Прослышав о возобновлении Муромы, из соседних земель прибывали переселенцы на лодках и кораблях сверху и снизу. Кто-то стремился на землю отцов и дедов, кто-то искал удачи, кто-то надеялся начать на новом месте торговлю или ремесло, пришедшие в упадок в соседних княжествах. Мелькали среди доброго народа и явно разбойничьи рожи, но по розам никто сейчас людей не судил. Рабочих рук не хватало, и князья принимали всех. Особо на сей счёт распорядились – на рожи, мол, не смотреть. Страна могла, в конце концов, обойтись и без высоких стен, но без людей обойтись не получится. Люди и есть страна.

Которые победнее, тем отводили под строительство места на посаде, тем, кто побогаче, кто мог хорошо заплатить, позволяли селиться в городе, среди княжеского окружения, среди бояр и дружинников. Однако всех свежее испечённых горожан, где бы они не селились, как бы худо не выглядели, обязывали явиться на пустырь. На нём, отведённом под торг в дни мира и под размещение беженцев в дни войны, нынче собрали мужчин – молодых и не очень, уме-

ющих держать оружие и совершенно необученных бою, горящих желанием защищать город, если придётся, и вовсе такового желания не испытывающих.

Однорукий воин по прозвищу Жёлудь прохаживался перед нестройным рядом ополченцев и старался скрыть неуверенность. Бывший начальник воевода Слепень, посоветовал его князю, а тот поручил старому воину городское ополчение. Жёлудь не привык, да и не умел распоряжаться людьми. Он привык быть простым воином, рубакой. Но с одной рукой много ли врагов нарубишь? И хорошо хоть такое дело нашлось, близкое и понятное, не то пришлось бы зарабатывать на хлеб починкой сбруи, правкой клинков или ещё чем-нибудь подобным.

– Почто в город подались? – без злобы ругался на новобранцев Жёлудь. – Почто в деревнях своих не остались? Лес и прокормит и убережёт случись что, а в городе защищать своё надобно. Охотников до чужого добра много вокруг.

– Насиделись уже в лесах-то, – решил возразить кто-то.

Жёлудь зыркнул на голос, но как ни вглядывался в толпу, не нашёл говорливого новобранца. И тот не объявил себя, словом или движением. Даже на такой пустяк решительности у людей не хватает. И самые смелые робеют перед начальником. Такой вот народ подобрался, а другого никто и не даст. Нет его, другого-то. Махнул Жёлудь в сердцах здоровой рукой.

– Ладно, нам в поле не драться, наше дело на стенах стоять, на настоящих воинов глазеть, да врага, который осмелеет в ров сбрасывать. Всему вас не научу, да и времени на такую учёбу не хватит, но кое-что покажу, а там, кто смыслённый переймёт, а нет, так потом у врага учиться придётся и уж платить полную цену.

***

Молодая княжна Варвара едва поспевала за мужем, когда тот метался по городу, осматривая укрепления, проверяя войско, лошадей, припасы, принимая у кузнецов оружие, доспехи, у шорников всевозможную упряжь и сбрую, и оставляя мастерам новые и новые заказы.

Павел был старшим сыном князя Юрия Ярославича, а стало быть глазами, ушами и ногами отца. Тому невозможно за всем уследить, других забот хватает. Муром только столица, и десятки селений разбросанных по всему княжеству нуждались в постоянном присмотре. Они кормили князей и дружину, они же порой требовали защиты. Селянам, если подумать, ведь всё одно кому дань платить. Какой князь сильнее тому и платят. И потому Юрий с воеводами и небольшой дружиной часто отлучался на далёкие рубежи, чтобы напомнить о себе, чтобы долги собрать, да отогнать возможных соперников. А за старшего в городе неизменно оставлял Павла.

Варвара могла бы, наверное, в тереме сидеть с девками досуг коротать, но предпочла мужа сопровождать. Павел не возражал. Помощи от жены, правда, выходило немного, редко когда посоветует что-то, всё больше молчит, улыбается, зато на усталых мужчин её улыбка действовала ободряюще и на просьбы князя поднажать, успеть к сроку, работники кивали в присутствии княжны с куда большей охотой. Порубежные земли накладывают особую печать на людей. Здесь отважны не только воины, но и простые селяне, не только мужчины, но и жёны их, и молодая княжна, участвуя в делах мужа, с одной стороны просто следовала обычаю.

Но не только в обычае было дело, и его Варвара скорее использовала как повод. Княжну по настоящему захватывало возрождение Мурома. Она всегда хотела жить именно в таком вот большом и укреплённом городе со стенами и рвами, с сотнями защитников, с шумным торгом и красивыми многолюдными службами в храмах. Только в таком месте её страх перед лесом мог отступить.

А леса Варвара боялась. Боялась жутко. Хотя ужас её имел мало общего с тем обычным страхом, что охватывает деревенских жителей при кровавых набегах вурдов, проносится по деревням пожаром при слухах о появлении в окрестностях оборотня или ведьмы, не говоря

уж о таких обыденных явлениях, как разбойники. Муромские леса издревле славились изобилием всевозможной нечисти и нелюди. Страх перед ними был пусть и неискореним, но привычен. А значит и сердца у людей трепетали не больше чем перед бурей или громом или наводнением. За века народ придумал множество способов уберечься от зла, избежать опасной встречи. И травы особые нашли, и слова нужные подобрали. Но даже и не будь никакой защиты от нечисти лесной, люди всё одно не ушли бы. Они продолжали кормиться лесом, они жили среди леса, и страх являлся частью их жизни.

С Варварой по-другому вышло.

В общем-то, ничего особенного – сколько сказок подобных рассказывают, о скольких подлинных случаях молодые девушки вечерами шепчут, оглядываясь на тёмное оконце. Пошла с подружками в лес по ягоды, да и пропала. Отбилась, заплутала во вроде бы знакомом с детства леске.

Как и во многих сказках приключилось это с Варварой незадолго до свадьбы. А сватался тогда к ней не кто-нибудь, а княжеский сын. Может оттого и пошла голова кругом, и думала не о ягодках красных и зов подружек прослушала. Но только вдруг оказалась Варвара совсем одна.

Тут совпадениям и конец. В сказках всё больше медведей девицы встречают, волков или колдунов, а Варвара вовсе никого не встретила, только взгляд ощутила. Лица, глаз не увидела. Свет в ветвях с тенью играя то там, то здесь ей показывал что-то похожее на обличье, а сучья, шишки представлялись зрачками. Но стоило присмотреться, наваждение исчезало, чтобы чуть погодя появиться в сторонке.

И медведь, говорящий человеческой речью, и безобразный колдун напугали бы её, пожалуй, меньше чем такой вот бесплотный взгляд исходящий неизвестно откуда и от кого. Словно сам лес смотрел на Варвару – разглядывал, присматривался, оценивал. Девушка даже не поняла, что именно напугало её в странном взгляде. Он вовсе не показался ей злым. Скорее тоскливым. Но ведь морок бывает разным и отнюдь не одна лишь злоба губит в лесу людей.

Она крикнула раз, другой. Но крик пропал среди деревьев, как камень в болоте. Никто не ответил, никто не пришёл на помощь. И взгляд призрачный крика не испугался. Побежала тогда Варвара, дороги не выбирая. И в овраги несколько раз срывалась и в болото залезла. Взгляд не отставал, словно прилип к спине. Выдохлась от бега Варвара, сдалась. У берёзы присела, заплакала. Но и слёзы призрачному взгляду не помешали.

Случайно помогла ей обычная сова. А может и не обычная, и не случайно. Срежь бела дня, пусть и в полумраке лесном редко совы летают. Ослаб взгляд, когда сова появилась. Совсем не исчез, но менее настойчивым, что ли, стал, будто смутился непрошенного свидетеля. А сова полетела, словно дорогу показывая, а быть может и показывая. Слишком уж явно дожидалась птица Варвару, когда та спотыкалась, или вставала передохнуть. Так или иначе, ещё до темноты выбралась девушка на дорогу, а там и до села недалеко оказалось.

Всё вроде бы счастливо закончилось, но после этого случая в лес Варвара не ходила. Ни одна, ни с подружками, ни с вооружённым отрядом. И даже став княжной, даже хоронясь в острожке княжеском, не чувствовала себя в безопасности. Старый острожек был мал и лес окружал его со всех сторон: стоило только Варваре поднять глаза, посмотреть поверх частокола, она всякий раз ловила навязчивый взгляд, хотя и понимала, что тот создан её собственным страхом.

И сейчас, расхаживая с мужем по городу, она с мстительным удовольствием наблюдала, как валятся со скрипом и стоном последние деревья, как брёвна превращаются в стены, а пни выкорчёвываются, как лес неотвратимо уступает место городу. А ещё её переполняло чувство обретения. Обретения дома. Вот теперь-то все страхи наверняка останутся в прошлом. Теперь она в полной мере насладится положением княжны.

Когда они вышли на пустырь, Жёлудь уже закончил свои наставления и, одолев робость, втянулся в работу. Невысокий коренастый новобранец ловко отмахивался жердью от троих соперников и Жёлудь как раз подтолкнул в спину четвертого, отправляя на подмогу товарищам. Этот и дубинкой замахнуться не успел, почти сразу получил удар концом жерди под коленку и рухнул. А коренастый новобранец развернулся и под крики толпы принялся теснить остальных.

– Хорош! – сказал Павел. – Такого молодца хоть сейчас в дружину бери.

Жёлудь обернулся на голос, нахмурился.

– Этого возмёшь, с кем я останусь? – сказал он. – Человек пять только и умеют хоть что-то. Остальные для красоты на стенах стоять будут. Сброд сбродом, если уж начистоту.

– Авось не понадобится стены-то украшать, – благодушно заметил Павел. – Откуда он такой?

– Из леса, как и большинство прочих, – буркнул Жёлудь. – Мордвин что ли, или мещёрец, поди их тут разбери. Парни Боюном прозвали. Ловок уж больно и язык острый. От того и Боюн.

– Дай-ка я его сам проверю, – загорелся вдруг Павел и потянулся к застёжке плаща.

– Брось, князь, – поморщился Жёлудь. – Если уж нужда такая, пусть Слепень его проверяет, а тебе не к лицу с мужиком бороться.

– Да размяться охота, – усмехнулся тот, сбрасывая плащ. – Спина аж зудит.

Но перевестись с новобранцем Павлу не удалось. Едва он шагнул к коренастому ополченцу, прибежал посыльный и, запыхавшись, передал распоряжение отца.

– Гонец из Мещёрска прибыл, князь тебя требует. Но перед тем с просителем одним повелел разобраться.

– Гонец? – Павел вернул плащ на плечи и возился с застёжкой. – Не случилось ли чего у соседей?

– Не похоже, – ответил посыльный. – Сказал бы ещё на воротах, если беда какая.

– А что за проситель?

– Да пёс его знает. Станный какой-то. На службу просится, но говорит, что не воин.

– А кто же, скоморох? Мне бойцы нужны, а не скоморохи, – Павел, наконец, справился с застёжкой. – Где он?

– Возле церкви ждёт.

– Ну, пошли.

Молодой парень сидел на земле, опираясь локтём на тугой мешок, и весело поглядывал на муромское оживление.

– Кто такой? – спросил его Павел.

Тот вскочил, отряхнул зад и ответил:

– Савелием зовут, охотник я.

– Охотник? – удивился Павел. – Зачем пришёл, о чём просишь? Тут и без пришлых всякий человек охотник.

– Не на зверя охотник я, на колдунов, ведьм, нечисть всякую, – пояснил Савелий. – Заглянул в церковь, помощь предложил, но батюшка Афанасий к князю отправил, а тот велел тебе доложить.

– Афанасию, значит, не понадобилась твоя помощь? – усмехнулся Павел.

– Говорит, не его дело.

– Правильно говорит, – одобряя слово священника, кивнул Павел. – Не его. Мы тут, знаешь ли, колдунов попусту не трогаем и другим задирать не даём.

– Но вы же православные? – удивился охотник.

– Точно. Православные. Но у нас половина жителей своим богам поклоняются, да рощи древние чтят, – пояснил Павел вполне благодушно и вдруг гневно спросил. – Ты что ж, в распрю с людьми втянуть меня хочешь?

Он повернулся к посыльному и распорядился:

– Гони его в шею. Пусть кто-нибудь проследит, чтобы в лодку сел, да убрался восвояси.

***

Проводив мужа до княжеских палат, Варвара отправилась к себе.

Терем княжны поставили одним из первых, когда под прочие жилища только расчищали места, когда воины и даже сами князья ночевали в походных шатрах, а то и вовсе под открытым небом. Терем ставили без подклета, подняв на толстых сосновых столбах, и уже позже пристраивали рядом княжеские палаты. Так что пока город рос, княжна обживалась и уже настолько привыкла к новому дому, что прежний вспоминала как нечто очень далёкое. И страх лесной отступил, и жизнь стала ярче. Всё было ладно, а лада не было.

Муж, носящийся по двору хищным зверем, принимающий участие во всяком деле быстро остывал, едва перешагивал порог терема. Он дарил ей впрочем, скупую улыбку, когда умывался, а она протягивала ему рушник, иногда он даже обнимал её, коротко и искренне, но мгновение уходило, усталость проступала на лице мужчины глубокими, как овраги морщинами; молодой князь горбился, превращаясь вдруг в старца и едва добираясь до постели, валился точно сражённый ратник. Варвара вздыхала, ещё некоторое время сидела на скамейке, дожидаясь пока прогорит свеча, потом осторожно ложилась рядом, боясь задеть, потревожить мужа, хотя разбудить того, казалось, не смогли бы и иерихонские трубы.

Она долго не могла заснуть, лежала и вспоминала те ночи, проведённые в острожке, когда иной раз они вдвоём и вовсе не спали и того Павла, пылкого, нетерпеливого, обильного. Она скучала по его шершавым и тёплым ладоням, иногда грубым, иногда ласковым, но всегда желанным. Она помнила его прикосновения, заставляющие тело сперва сжиматься от холода, а потом таять как воск.

Но время прошло и безумие кончилось. Усталость была причиной его равнодушия или то, что отчаялся он дожидаться наследника, Варвара не могла догадаться, а сам Павел об этом ни разу не заговорил. И теперь он спал рядом с ней, но не вместе с ней, как мог бы спать в любом другом месте.

А утром он уходил. Стремительно вставал, хватал на ходу одежду, одеваясь уже на лестнице, там внизу наскоро завтракал, тем, что осталось от ужина, и убегал, прежде чем Варвара спускалась. Она находила Павла позже, уже на стенах, или в кузнях, или в конюшне. Напористого, молодого, горячего. Но уже другого, не прежнего. Отдающего всего себя делу, и только делу – вот в чём беда.

Глава четвёртая

Чёрный Лес

Путь из Мещёрска на Москву лежит по Оке через земли рязанские. Так легче и безопасней, но значительно дольше. Река петляет, распадается сетью протоков и проранов, а грести против течения, натываясь на отмели и перекаты, удовольствие небольшое. Если же выбирать короткую сухопутную дорогу, то неминуемо придётся проехать через Чёрный Лес. Правда дорога задевает лишь его край, не углубляясь в мрачные дебри. Но хорошего всё равно мало. О лесе том ходила дурная молва по всей Мещере, а страх перед ним отваживал путников, хотя чем именно гибелен лес, мало кто мог рассказать.

Дорога – одно название. Скорее тропка широкая. Встречным возам редко где разъехаться можно. А нередко попадались такие места, что и одной повозке приходилось продираться между топким болотом и стоящими на самом его краю вековыми соснами да дубами. Дубов с каждым годом становилось всё меньше – города строили – но здесь, в глуши, они еще стояли, величественно охраняя границы чёрных болот.

Верхом проехать значительно проще. Но всё равно дорогой этой предпочитали не пользоваться. Летом шли по Оке на лодках, зимой по ней же, по льду, на санях. И только весной в пору ледохода, да поздней осенью, когда лед еще тонок, у кого нужда возникала, отправлялись этим вот путем. Да и то нужда великая должна была быть, поскольку и весной от талого снега, и осенью от дождей, земля превращалась в вязкий кисель, и пройти по дороге становилось совсем не просто. Но теперь стоял август, и сильно заросшая за лето дорога была вполне проезжая, хотя и совершенно пуста.

Небольшой возок, груженный всяким крестьянским скарбом, прикрытый старой плешивой шкурой, медленно продирался сквозь лес, попадая то одним, то другим колесом в рытвины и глубокие щели между толстых корней. На каждом ухабе возок поскрипывал, потрескивал, грозя развалиться раньше, чем кончится этот неприятный путь. Рыжая лошадка, казалось, полностью это ощущение разделяла, она фыркала и трясла головой, всячески показывая хозяину, что ей не нравится ни выбранное направление, ни окружающий лес, ни дух, что наполнял воздух.

В возке ехали двое. То есть больше не ехали, а толкали. Лошадка не управлялась на подъемах, а повозка постоянно вязла в раскисшей подтопленной болотами земле, застревала в корнях колёсами. И тогда люди соскакивали на землю и помогали лошадке.

Хозяин возка и лошадки – старый дед по прозвищу Яндар пробирался из Тумы на московскую сторону, в Березовый Лог, к родственникам. Его молодой земляк Тарко напросился в попутчики перед самым отъездом. А деду что, только в радость – есть с кем поговорить, путь скоротать. Правда, парень молчал всю дорогу, но молчание деда не особенно беспокоило. Говорить он и сам умел, а то, что парень слушал в пол-уха, думал о чём-то своем, не велика беда.

– Ты, Тарко, предков почитаешь, а вот в деревне своей тоже ведь не живешь. Почему так? Раньше о таком и не помышлял никто, чтобы места родные покинуть, на сторону уйти. Чего там в том городе хорошего? Разбой один от городов этих, разбой и распутство. Не для нас они, города-то, не для мещеры, не для лесного народа... Ладно бы ещё у князя служить, так ведь не про всякого человека служба такая... Беготня, суета...

Тарко почти не слушал стариковского ворчания и ничего не отвечал. Соглашаться не хотел, спорить не позволял возраст. Да и ни к чему спорить. Они все старики об одном ворчат. Дескать, вот раньше всё было по-другому. Спокойно и чинно. Сидели в лесу никого

не трогали, жили себе на уме. И их не трогал никто, леса-то много кругом, селись – не хочу. Старики ведь только о покое и помнят, ибо сильно ценят покой на старости.

А вот Сокол, он другое рассказывал. Были и у лесных народов битвы кровавые, были и враги сильные, были и герои отважные. И города ставили не хуже славянских или там болгарских и торговали с половиной мира. Сокол врать не будет, он и сам из мещеры родом, а знает столько, сколько два таких деда как Яндар вместе взятых. Так что старика Тарко не слушал, да и о прошлом величии подумал лишь мельком. Он занят был собственными переживаниями.

Хоть и ушёл Тарко из Мещёрска по княжескому велению, а и сам другого пути для себя не видел. С обидой в сердце пришлось из города уйти, даже со злостью какой-то. С малых лет они с Вияной вместе росли. Вместе шлодили и учились, вместе книги читали, вместе мечтали. Потому, наверное, и не стала Вияна для него слова подыскивать – всё что думала, то и сказала. Да ещё и выбранила, словно старшая сестра неразумного братца. Только от обиды Тарко на дело решился безрассудное, только б доказать девушке, что не просто для игр товарищ он добрый, а и по жизни чего-то стоит. Вот вскоре докажет или погибнет – дело-то предстояло такое, что проще голову в улей сунуть.

После посещения родных мест тоска только усилилась. Обожгла его крепко Вияна. Не огнём обожгла – водой студёной. И предки не вразумили, хотя целый день Тарко в роще священной провёл, шёпот их слушал. Горечь осталась. И значит быть посему.

Вот ведь и Сокол не стал отговаривать от глупости. Сказал только, что ждать возвращения будет, помощь обещал. Значит, и чародей другого пути для молодого товарища не узрел. И некому больше его остановить, и самому назад сдавать неловко.

Вдали слышался перестук копыт. Он то совсем пропадал, когда лошадь ступала на топкий участок, то звучал громче, когда копыто встречало твёрдую землю. Судя по всему, всадник ехал один, и потому сворачивать в лес и хорониться было бы лишним. Однако и совсем пренебрегать опасностью не стоило, а потому Яндар тут же прекратил болтовню и проверил рукой лежащий под шкурой топор.

Скоро на встречу им выехал всадник. Видимо, не предполагая встретить кого-нибудь на пустынной дороге, он от неожиданности вздрогнул и придержал коня, но замешательство всадника длилось не долго и, разглядев обычных селян в обычном возке, он сразу же двинулся дальше. Тарко благодаря заминке успел разглядеть всадника, и сильно удивился, увидев на красивом гнедом жеребце, вполне уместным даже на княжеских конюшнях, необычного седока. Это был здоровенный монах в чёрной рясе, который держался в седле, словно бывалый воин, а к тому же и на поясе его висел меч.

Яндар украдкой положил руку на топор, но показывать его встречному прежде времени не стал. Тарко тоже запустил руку под шкуру, нащупав в поклаже какой-то дрын. Вдвоём, случись чего, можно отбиться хоть и от мечника. Но воевать не пришлось. Монах резко дёрнул узду и гнедой, послушно рванув в сторону, исчез среди деревьев.

– Ну и дела, – выговорил дед.

Он положил вожжи рядом с собой и замолчал на целых полчаса.

Скоро дорога вышла к Чёрному лесу. Лес этот раскинулся в самом глухом пограничье между мрачными и сказочными муромскими лесами и не менее мрачными и сказочными лесами мещёрскими. Вёрст через десять к северу начинались земли владимирские, восточнее и немного в стороне от мещёрских – муромские, на западе, за Цной лежали московские владения, а на юге – рязанские. Одно слово – пограничье. Впрочем, ни межевых знаков, ни чего-то подобного, сроду здесь не встречалось. Чёрный лес этот, как и болота вокруг, не принадлежал никому, да никому бы и в голову не пришло заявлять на него права.

– Таза лий, – попрощался Тарко, прыгнув с возка.
И это были единственные слова, что он произнес за всё время пути.

Лес выглядел мрачным и тёмным даже в летний полдень, когда солнце пробивалось сквозь кроны, добираясь до влажной земли. Об этом лесе ходила дурная молва по всей Мещере, хотя людей, живущих в ней, напугать непросто.

Чёрным он звался отчасти потому, что редкая растительность здесь была чахлая, полуживая. Даже деревья зеленели кронами только на самом верху, из земли же торчали лишь голые, чёрные от сырости стволы. И сама земля пропиталась влагой, а вокруг часто попадались болота и трясины, над которыми поднимался смрадный туман. Несмотря на отсутствие корма, зверья в лесу водилось немало, и в голодную годину охотники из дальних деревень заходили в Чёрный лес ради добычи. Возвращались, правда, не все и не всегда возвращались в здравом рассудке. И от этого тоже прозывали лес чёрным. А ещё лес звался чёрным по цвету своих озёр и болот.

Вообще-то болот и озёр по всей Мещере встречалось в избытке, но таких мрачных и бездонных как здесь не находилось ни в одном углу, даже Волчьи Мшары смотрелись куда веселее. В иных местах лесной народ мог и возле болот селиться, а возле озёр так обязательно. Но на болотах Чёрного леса люди не жили и не живут. И вурды тут не живут. Хотя, казалось бы, где вурдам ещё жить, как не в Чёрном лесу. Но нет, не живут. Опасаются даже они. Вот каким мрачным слыл Чёрный лес.

Но даже в сравнении с ним, Стылые Мары считались местом зловещим, погибельным. И если в лес по нужде люди иной раз забредали, то курганы, торчащие из болот лысыми макушками, обходили как можно дальше. Впрочем, и разглядеть их получалось далеко не у всех. Скрывались Стылые Мары от людских глаз, и только случай или козни злых духов могли вывести путника к ним на погибель.

И мало кто знал, что закрыл людям гиблое место никто иной, как Сказочник. А вот зачем он это сделал – то ли о людях радел, то ли тайну какую берёт – о том даже Сокол не ведал. Но теперь Дедушка ушёл, его чары ослабли, а дорога к Стылым Марам открылась для каждого, и Тарко намеревался первым воспользоваться оказией.

Он ступал мягко по топкой земле, каждый раз внимательно осматривая место, куда собирался поставить ногу. Здесь водились в избытке гадюки, и наступить на одну из них было проще простого. Но Тарко, продвигаясь мелкими шажками, вовсе не змеей опасался. Сапог гадюке не прокусить, а в долгую схватку она вступать не станет, так как сама человека боится. Осторожность его была следствием слышанных с детства рассказов о духах здешних мест. То были не привычные лесному народу духи, что защищали род или племя, а если когда-нибудь и наказывали, то, по большому счёту, за дело. Не были они и духами какого-то иного народа, враждебно настроенного к мешёрцам. Они были чужды людям вообще. И любого человека могли воспринять как врага. Потому и важно было ступать мягко, дабы не потревожить кого-нибудь из духов.

Курганы курганам рознь и Стылые Мары тоже не одинаковы были. Одни считались погибельными, другие просто опасными, а третьи вроде бы вреда людям не причиняли. Пусть и редко кто из людей сюда забредал, но уж уцелев, всё что видел рассказывал. И понемногу копились в народе знания.

Могильный курган, к которому направился Тарко, среди Стылых Мар самым зловещим считался. Он торчал посреди болота, как огромная кочка, и оставалось только гадать, что за дело привело в это гиблое место небольшую дружину неизвестного князя. Какому народу принадлежал князь и его люди, кто встретил здесь отчаянное войско, кто положил всех до единого молодцов – про то никто не мог теперь рассказать, но по отголоскам старых преданий вся

дружина во главе с предводителем упокоилась в этом кургане. Не знали люди и то, кем и когда был насыпан курган и кто хоронил воинов.

Круг, выложенный крупным белым камнем, опоясывал холм у подножья. И тоже загадка – кто принёс в эти места камень и уложил его, если за много вёрст вокруг ни природного, ни ломаного камня не встречалось. Никто, понятно, эти загадки и не разгадывал, и за каменный круг никто зайти не решался, даже если и приближался к самому кургану случайно во время охоты, когда преследуемый зверь пробивался сквозь чары и выводил за собой охотника.

Тарко, сняв с плеча сумку, осторожно вытащил из неё небольшого божка. Этого пузатого человечка с козлиной мордой некогда вылепила из глины его бабка. Но не та, которая была овдой, а другая – известная в деревне ведунья. Бабка давно померла, а перед смертью оставила внуку несколько странных вещей, в том числе и глиняного божка, который по её словам оберегал от могильных стражей.

Тарко вовсе не был уверен, что бабкино наследство поможет ему против хозяев кургана, но другого способа управиться с мертвяками он не знал. В крайнем случае, у него оставался в запасе ещё амулет, полученный от другой бабки, той которая овда. Юноша рассчитывал, что какая-то из бабушек да поможет внуку.

Он водрузил божка на черту, пристроив между камней, и пробормотал под нос заклинание, смысла которого не вполне понимал, так как слова, использующиеся в нём, принадлежали к давно забытому людьми языку той поры, когда лесные народы общались на одном наречии.

Встав на ноги, Тарко осторожно переступил каменный круг и прислушался. Всё было как будто тихо. Хозяева кургана или его хранители, если таковые вообще существовали, никак не выразили юноше недовольства. Сделав десяток решительных шагов, он поднялся на вершину.

Макушку кургана венчал меч. Крест его рукояти возвышался выше самых высоких деревьев, окружающих болото, и если бы не чары был бы виден издалека. Возможно, кто-то нездешний мог принять его за могильный крест, но Сокол утверждал, что когда насыпали курган, христианства на Руси по большому счету еще не установилось, а Тарко мог добавить, что крестами могилы в этих местах не украшают и до сих пор. Так что меч вряд ли служил надгробием, а если и служил, то не по христианскому обычаю.

Много чего рассказывали по Мещере про эту могилу, но всё больше чужие сказки повторяли.

Говорили, например, что вовсе не русская это дружина легла в Чёрном лесу и не какой-нибудь из мещёрских отрядов. А пришло, мол, войско отчаянное из далёких земель, посланное жестоким властителем в никуда ради забавы или желания избавиться от сильных соперников. Неведомо как дошло войско до этих мест и полегло здесь безвестное.

Говорили так же, что не битва в Чёрном лесу состоялась, но человеческое жертвоприношение, которым волхвы древней Артании пытались задобрить своих жестоких богов, теперь уже всеми забытых. И что, ища надёжного средства, волхвы принесли в жертву сотню лучших молодцев, но это не спасло их страну, и она сгинула без следа.

Говорили ещё, в основном славяне, что меч, венчающий курган, принадлежал Перуну, а в могиле покоится вовсе не князь, а перунов слуга. И не просто себе покоится, но ждёт пробуждения. В подтверждение редкие очевидцы рассказывали, что притягивает меч к себе громы и молнии. Но не во всякую грозу, а только в особые дни.

А коренные мещёрцы толковали дело иначе. Что, мол, когда-то давно здесь стояли великаны онары и клинок выкован ими, большими умельцами в ремесле оружейном. А то что великаны умирая в холмы превращаются, знал каждый ребёнок.

И в последний слух Тарко готов был поверить, если бы не Сокол, который утверждал, что все разговоры о Могильном кургане не больше чем сказки, нарочно придуманные Дедушкой, дабы отвадить людей от гиблого места.

Тарко осторожно приблизился к торчащей рукояти. Даже по одной ней было видно, что меч находится здесь уже много лет. Оплётка из кожи давно рассохлась и частью сгнила, частью свисала ещё лоскутами. Только теперь юноша заметил, что клинок торчал не прямо из земли, а из огромного камня, водружённого на курган и заросшего от времени, а потому незаметного от подножья.

Он накинул на рукоять белый платок, каким его бабка покрывала голову, и прочитал ещё одно заклинание, примиряющее меч с человеком. Если бы то был обычный клинок, заклинания бы хватило, но с могилами всё обстояло сложнее. Юноша подождал некоторое время, и только убедившись, что вокруг всё спокойно, что мертвецы не шевелятся под землёй, а духи не подступают из-за спины, взялся за рукоять поверх платка и медленно потянул меч из камня.

Тот поддался сразу, что являлось хорошим знаком, Тарко потянул сильнее и скоро вытащил клинок целиком. Лезвие блестело как будто и не провело многие годы в плену каменном. Ни пятнышка ржавчины, ни даже потускневших мест на металле глаз не приметил. Стараясь не касаться железа, Тарко обернул меч платком, затем всё вместе ещё раз обернул холстиной и для надёжности перевязал веревкой. Решив, что сделал достаточно, юноша засунул свёрток в сумку. Теперь оставалось самое сложное и опасное – убраться отсюда целым и невредимым.

Многие охотники за мечами или другими столь же опасными желанными сокровищами гибли от глупости и неосторожности именно тогда, когда считали, что поймали удачу за хвост. Сокол рассказывал множество подобных историй, да и сам Тарко знал их достаточно, чтобы не завопить от радости раньше времени. Он тихонечко спустился вниз, перешагнув через каменный круг и, не оборачиваясь, бросился вон от кургана.

Тарко промчался через болото так быстро, что покров не успевал почувствовать его тяжести, а кочки только чавкали в спину, затем побежал через лес, стараясь даже здесь ступать мягко и по возможности увёртываться от веток. Похищенный меч придавал сил, а страх перед прежними его хозяевами прибавлял скорости.

Пробежав версту-полторы, юноша остановился, чтобы отдышаться. Он был вполне доволен собой. Видела бы его сейчас Вияна! Уж теперь она пожалела бы о брошенном по запальчивости слове. Мало кому из смертных выпадает такая добыча, и даже князья получают в наследство от предков клинки попроще. Но и вспоминая обиду, и мощно втягивая воздух, Тарко не забывал о возможных преследователях. Задержав на мгновение дыхание, он прислушался к лесному шуму, особенно к тому, что доносился из-за спины. Ничего странного в том шуме не заключалось – обычный шелест хвои и листьев, привычное поскрипывание сосновых стволов, слаженный гул болотной живности. Тем не менее, страх искушал его обернуться. А как раз оборачиваться-то было нельзя. Как и заговаривать с кем бы то ни было, пока не будет пересечён спасительный чек родового леса.

Однако слушать шум не возбранялось. Хотя пользы от этого, кроме собственного успокоения, не было никакой. Тишина или привычные звуки вовсе не означают безопасности. За частую даже наоборот. И потому Тарко, передохнув, побежал так быстро, как только мог, дальше и дальше от могильника.

Следующую остановку юноша сделал уже на окраине Чёрного леса. И только остановился, как впереди, в плотных зарослях боярышника, послышался хруст веток. Шагнув под защиту ближайшего дерева, Тарко выхватил кинжал. О завернутом в ткань клинке как об оружии юноша даже не подумал, трогать его до очищения было смертельно опасно. Могильный меч, коснись его Тарко сейчас, вполне мог утянуть нового владельца обратно в курган или как-то иначе наслать погибель. Так что он довольствовался кинжалом, подаренным князем в про-

шлом году. Вещица без волшебства, но сделана добротнo и против обычного врага вполне годится.

Он притаился за толстым стволом сосны и стал ждать. Хруст приближался, и вскоре из зарослей высунулась страшная бородатая морда. Юноша вздрогнул, по спине пробежали холодные мурашки и только чуть погодя он признал морду лесного хозяина.

Зубр почитался многими родами и народами Мещеры как зверь священный. В иных местах хозяином леса почитали медведя, но это только там, где не водились зубры. Могучий зверь олицетворял собой лесную стихию, его силу и не как-то иносказательно, но буквально. Бывает, храбрый охотник может выйти один на один против волка или кабана, особо смелые выходят в одиночку на медведя. Против зубра решится пойти в одиночку разве что последний безумец.

В другой раз такая случайная встреча Тарко может быть и напугала бы – хозяин лесов, если напал неожиданно, вполне мог и порвать человека, и втоптать его в землю. Но теперь, юноше, ожидающему из-за спины нападение орды мертвяков, зубр показался просто приятным знакомцем. Тарко даже улыбнулся, продолжая впрочем, стоять без движения. А зверь повёл головой, остановил на мгновение взгляд на толстой сосне, за которой скрывался юноша, но затем, видимо решив, что здесь для него слишком опасно, подал назад и исчез в кустах.

Тарко перевёл дух и продолжил бег. Бежать ему предстояло ещё далеко, а до темноты, как ни крути, следовало добраться до родового леса. Только там он мог найти защиту от хозяев Могильного кургана. Но, пробежав ещё несколько вёрст, юноша понял, что не успевает. Солнце уже садилось, а ночевать в лесу было безумием. Не мог он зайти и ни в одно из ближайших селений. Неразумный поступок мог навести на деревню зло. Так собственно и поступают люди без чести и совести, добывающие проклятые сокровища. Заходя в деревню, они сбрасывают погоню с плеч, и подставляют взамен себя невинных селян.

Тарко так гадко поступить не мог и решил пробраться через лес в темноте. Он лишь вышел на окраину леса, где было светлее, и пошёл вдоль очередного болота.

***

Слишком много он думал о тех, что наседали сзади, а под ноги смотрел без должного внимания и вот неосторожно в нору вступил. Нога к счастью не подвернулась, но провалилась сквозь влажный мох. И вместо ожидаемой ямы с водой ощутила под собой пустоту. Ход! Надо же, как не везёт! Угодить из огня да в полымя! Разбудить Духа Корней последнее дело, особенно когда у тебя на плечах погоня из мертвецов.

Тарко замер, прислушиваясь к звукам вокруг, а ещё больше к тому, что происходит под землёй. Ничего. Тихо. Может быть, пронесло? Он принялся осторожно выводить ногу, стараясь не задеть стены провала, не обрушить в ход ни камешка, ни веточки, ни комочка земли. Повезло. Не задел, не обрушил. Откатился на несколько шагов, затаился. Полежал на траве немного, успокаивая бешено бьющееся сердце и частое дыхание. Но залёживаться не следовало, погоня того и гляди объявится. Он мягко поднялся и осторожно, крадучись, двинулся подальше от нехорошего места.

И тут раздался протяжный глухой гул, будто рог затрубил из могилы, земля перед юношей вздыбилась холмиком, вспучилась и наконец лопнула, взорвалась, обдав его грязью. Из образовавшейся дыры поднялась на длинном и толстом корне морщинистая размером с лошадиную голову.

Тарко сразу узнал Духа Корней, или иначе Вутюя, и всерьёз испугался. Прежние страхи перед стражами кургана мигот потеряли остроту. Он погони-то собственно и не видел ещё, больше воображал преследователей. А тут прямо перед ним возник настоящий ужас. От рассерженного Вутюя убежать трудно, пожалуй, даже невозможно. Он ведь не зря прозывается

Духом Корней. Каждый корень каждого дерева, куста, каждой травинки в лесу – плоть от плоти Вутуя – его руки, его сети, его пути. Так что бежать бесполезно. Споткнёшься о внезапно возникший под ногой корень, которого вроде и не было только что, упадёшь, тут тебе и конец придёт.

Эх, Вияна! Не увидеть тебе названного брата в почёте и славе, с древним мечом на поясе. Не испытать вины за неловкое слово, не попросить прощения. И не узнаешь даже, где сгинул любящий тебя человек, а быть может, и не вспомнишь о нём вовсе. Другая судьба тебе уготована, сестричка, другая дорога.

Разозлился Тарко от мыслей таких. На себя разозлился в первую очередь и на княжну во вторую. А злость вдруг воли прибавила, думать заставила о том, как выбраться из переделки, как спастись? Очень уж ему сейчас погибать оказалось некстати.

А как спастись? Можно было в три прыжка выскочить из-под деревьев, заскочить на какую-нибудь болотную кочку, переждать до утра. Но от Вутуя так просто не скроешься, он даже в болоте достанет. Дух Корней ведь не только в лесу хозяин, а болота не даром здесь зовутся коренниковыми. Под бурой даже чёрной водой на сажень, а то и на две залегает веками слежавшееся сплетение корней. То конечно всё мёртвые корни, но от этого не легче, а учитывая, что меч из могилы, как раз наоборот – вдвойне опасней. Мёртвое всегда тянется к мёртвому.

Вутуй, однако, нападать не спешил, лишь смотрел на человека сучками – глазами едва различимыми на замшелой покрытой трещинами голове и хрустел, подобно тому, как хрустят зёрна в мельничных жерновах. Может быть, он пытался что-то сказать человеку, но только Тарко его речи не понял. Он лежал не шелохнувшись, затаив дыхание, и боролся с желанием броситься сломя голову в сторону своего села. Здесь уже рукой подать до его родового леса. А там Духи Предков. Они защитят и от Вутуя и от тех, кто гонится следом. Да только не успеть.

Оставалось только одно – принести Вутую какую-нибудь требу. Какую именно Тарко не знал. Ни в одной мешёрской деревне, ни в одном лесном роду Духу Корней не поклонялись. Только старый Яндар умел как-то ладить с ним, и всегда испрашивал позволения, перед тем, как добывать для своих поделок молодые сосновые корни. Знать бы заранее, где соломки подстелить. Только ведь накануне целый день ворчание стариковское слушал, а нет бы спросить у Яндара совета, чем, мол, Вутуя задобрить можно? Но кто же мог знать наперёд, а теперь поздно спрашивать. Яндар поди уже до сына добрался и на московской стороне нынче ворчит. Так что самому предстоит решение отыскать.

Что же хочет Дух Корней от человека в уплату за разорённый ход? Не меча же, в самом деле, он требует? Почто ему клинок могильный? А если и так, то Тарко не собирался выпускать добычу из рук. Даже перед лицом гибели. Не для того сюда отправлялся, не для того пережил столько.

А что есть у него ценного кроме меча? Бабушкин оберег? Пожалуй. Вещицу, сделанную овдами, мог оценить и Вутуй. Вот только разумно ли платить такую высокую цену? А с другой стороны, куда деваться? Или меч ли оберег. Платить-то не за пустяк предстоит, а безделицей от смерти не откупишься.

И юноша решился. Сорвав с шеи оберег, кинул духу под ноги, или что там у него вместо ног. Амулет упал на рыхлый край ямы и, вздрагивая от земной тряски, понемногу исчез в глубине. Долгое время ничего не происходило. Тарко уже было подумал, что жертва оказалась напрасной, что не пришёлся Вутую по вкусу оберег. Но тут голова прохрустела что-то непонятное и стала погружаться обратно в землю.

Дух Корней принял жертву. Тарко тяжело вздохнул и уже без спешки побрел дальше. Как-то остыло всё внутри, ушёл страх, а вместе с ним и напряжение гонки. И преследователи из кургана больше не казались ему опасными.

Глава пятая

Песня о Дятле

Ожидая возвращения Тарко и пытаясь хотя бы на время выбросить из головы пропажу Дедушки, Сокол занялся более приятным делом, а именно математикой.

Станным образом математические упражнения позволяли ему отвлечься от тяжёлых раздумий, но вместе с тем и привести мысли в порядок. Точно они, эти мысли, не исчезали совсем из его головы, пока она решала какую-нибудь задачу, а начинали жить собственной жизнью, бродили по закоулкам сознания, обтирались, сопоставлялись, и нередко случалось, что вместе с математическим решением отдохнувший чародей получал и ответы на тревожащие его вопросы.

Сейчас он взялся за одну из самых трудных и в тоже врем одну из самых любопытных задач, за поиски совершенного числа. Числа эти, равные сумме своих делителей, вот уже который век не давали покоя ученым. Эллинские мыслители нашли четыре первых из них. На этом дело и встало. И с тех пор, вот уже более полутора тысяч лет, каждый уважающий себя учёный, считал своим долгом предпринять поиски пятого совершенного числа, подобно рыцарю, отправляющемуся в путь за Святым Граалем. Сокола некогда тоже заразила эта беда, а в последнее время лихорадка охватила и весь христианский мир. Богословы провозгласили поиски совершенных чисел делом высоконравственным и богоугодное, а чуть позже при непосредственном участии папы распространилась легенда, будто человек, открывший новое такое число, обеспечит себе вечное блаженство на небесах. Можно представить, что тут началось. Монахи готовы были заложить души дьяволу, лишь бы найти решение. Но то ли дьявол был равнодушен к арифметике, то ли считал, что души монахов и так от него не уйдут, только пятое число до сих пор не было найдено.

Сокола, понятно, вопросы спасения в христианском толковании волновали мало, но сами поиски увлекли не на шутку. Ещё в странствиях, он взял за правило уделять поискам свободное время и продолжил дело, осев в Мещере. За долгие годы, он перевалил уже за два с половиной ворона, если использовать принятую в Мещере славянскую нумерацию, но к разгадке так и не приблизился.

Достав вощаницу, Сокол принялся проверять очередное число. Делил, брал делители и складывал их между собой. Однообразное вроде бы занятие быстро затянуло его. Лишь однажды чародей отвлёкся, бросил псу кусок рыбы, а себе выбрал яблоко покрепче. С хрустом вонзив в него здоровые зубы, он продолжил вычисления. Столбик цифр на вощанице рос. За окном стемнело. Время за увлекательным занятием летело незаметно.

***

Тарко появился в чародейской слободке далеко за полночь. Он вошёл в дом тяжело дыша, красный и потный от долгого бега. Рубаха его была грязной и порванной, но сам юноша улыбался, и раньше, чем распознать в свёртке меч, по одной лишь улыбке Сокол понял, что дело, за которым Тарко отправлялся к Стылым Марам, ему вполне удалось.

– Давай его сюда, – сказал чародей, протянув руку. – А сам пока рубаху почини и умойся.

Расчистив стол, Сокол положил на него свёрток, осторожно развязал верёвки, откинул тряпицу, убрал платок. Едва взглянув на клинок, чародей понял, что такая добыча мальчишке не по зубам и то, что меч сейчас перед ним, а небеса не сходят с ума в попытке вернуть пропажу, испепелить дерзнувшего человека, было не иначе как чудом. Мальчишке дали уйти с добычей.

И что из этого следует? А следствий могло быть несколько и каждое из них только добавляло тревоги.

– Клинка не касался? – на всякий случай спросил чародей.

– Нет, – ответил Тарко, меняя рубаху.

Сам Сокол не побоялся взять меч в руки, полагая, что ему никакое проклятие не страшно. Он покачал клинок на ладонях, меняя угол под которым смотрел так и эдак, то приближал к глазам сталь, то вновь удалял. Разобрал ковку, узор и попытался прочесть клеймо. Однако сверкающий, словно только что выкованный, меч именно возле рукояти порос грязью и ржавчиной. Тогда, отложив клинок, Сокол достал с полочки маленький глиняный пузырёк с узким горлом, распечатал и осторожно промокнул тряпицу.

– Подождать надо, – сказал он, обложив смоченной тряпицей основание клинка, – час или два. Водка слабая, а крепкую здесь достать негде. Поешь вон пока, отдохни.

Тарко не возражал. Он полностью доверял чародею. Если Сокол считает, что нужно сперва разобрать клеймо, то значит так и надо. Может быть, от этого зависит, каким чином он меч очищать станет, а может, и простое любопытство у старика пробудилось. Да и поесть чего-нибудь не мешало. Столько сил потратил, пока сюда добрался, а перекусить не пришлось.

Юноша быстро прикончил остывший ужин, и пока чародейское зелье неспешно растворяло налёт веков, рассказал Соколу, как вышло дело. Тот внимательно выслушал молодого товарища и произнёс:

– Думаю, никто не преследовал тебя из могильника, разве только твой собственный страх. А вот с духами лесными тебе повезло. Надо же, от самого Вутуя ушёл! Будет что вспомнить.

– Оберег бабушкин жалко, – вздохнул Тарко.

– Не стоит вещи слишком жалеть, – возразил Сокол. – Ты же не знаешь, для чего тебе бабка оберег подарила, может как раз на такой случай. Радуйся, что живым вернулся.

– Да я радуюсь, – не очень уверенно ответил юноша.

Когда чародей решил, что времени прошло достаточно, он снял тряпку с клинка и принялся протирать ею то место, где по всем признакам должно располагаться клеймо. Отчистить металл долго не удавалось. Сокол скоблил его остриём ножа, вновь промокал тряпкой, то и дело подносил меч к глазам, пытаясь прочесть надпись или угадать знак. Наконец ему с трудом удалось разобрать буквы.

– ГРК... – прочитал чародей. – Хм. Грек, что ли какой меч ковал? А зачем тогда славянским письмом клеймил? Или прозвище это такое? Или может быть Горка или Гурка?

Сокол пошкрябал клеймо ногтем ещё раз посмотрел и ещё раз хмыкнул.

– Может быть здешний грек, какой? – продолжил он размышлять. – Много их за крестом сюда последовало. Хотя вроде бы мечей с собой божьи слуги не брали.

Тарко слушал молча, с вопросами не лез. Придёт ещё время для расспросов. А пока ему не терпелось дождаться конца чародейских исследований, чтобы отправиться затем на обряд очищения. Только тогда он с полным правом сможет назвать меч своим. Однако здесь юношу ждало разочарование.

– Один пойду, – сказал Сокол. – Тебе опасно, да и мне помешать ненароком можешь. Посиди тут, с псом пообщайся, или поспи, а к утру я вернусь.

Сокол вышел из дома и повернул за угол. Сразу за домом среди зарослей рябины стоял невысокий сруб. С виду совсем обыкновенный, принимаемый соседями за сарай или амбар, он не был, однако, предназначен для хозяйства. В этот сруб чародей никогда и никого не пускал, ибо отводил его для дел тайных, для самой сильной волшбы.

Почти у каждого чародея или колдуна имеется сокровенное место, где он может черпать силу и предаваться раздумьям. Это могло быть дерево, или река, или холм, или пещера. Сокол

вот завёл себе сруб. Казалось бы, какое может быть волшебство в простом срубе, какая сила поселится в нём? Но Сокол был могущественным чародеем и потому не нуждался в природном сосредоточии силы, он мог создать такое место сам. Что собственно и сделал, решив обосноваться в Мещёрске.

Внутри сруба и днём-то свет едва проникал через узкую щель под крышей, а ночью только при яркой луне можно было разглядеть хоть что-то. Но чародей не стал зажигать свечу или лучину. Приперев дверь жердью и подождав, пока глаза привыкнут к темноте, он направился напрямик к выложенному из камня очагу.

Всё что требовалось для обряда очищения, чародей приготовил заранее. Теперь он присел возле очага на обрывок шкуры, отложил клинок и нащупал рукой сложенную рядом с очагом кучку тоненьких веточек.

Подождав немного, чародей затянул песню. Негромко, едва слышно затянул, но не на постороннего слушателя была рассчитана песня, а в голове Сокола она звучала отчётливо. Напевая, он на ощупь брал один за другим прутики из кучки и раскладывал их в очаге. Некоторые перед тем надламывал, другие расщеплял, третьи оставлял как есть. Орешник и осина, берёза и дуб, клён и рябина, многие и многие породы дерева, не каждое из которых встретишь в здешних краях, но каждому находил чародей место в общем сплетении.

Наконец, кучка иссякла, все веточки оказались выложены особым образом и в должном порядке. Чародей прекратил пение, возжёт огонь и приготовил меч...

***

На следующий день Тарко устроился на лавке, забравшись на неё с ногами, и, оплетая рукоятку меча новой кожей, слушал хозяина. Рядом с юношей пристроился пёс. Когда-то сам Тарко и подарил чародею щенка. С тех пор тот вырос в настоящего пса, грозного и ревностно заботящегося о собственном достоинстве, чтобы играть с мельтешащими перед носом полосками кожи. Но наблюдал за работой юноши пёс с огромным вниманием, а тот в свою очередь внимательно слушал Сокола.

Несмотря на усталость от бессонной ночи, чародей пребывал в хорошем расположении духа и потому говорил охотно.

– Клинок этот мне знаком и незнаком одновременно, – рассказывал чародей. – В руках я его прежде не держал, определённо, но кое-что слышал о нём раньше, а кое-что узнал этой ночью. Он очень силен этот меч. Но против людей, или, скажем вурдов, он, пожалуй, не слишком тебе поможет. Во всяком случае, не больше, чем любое другое оружие. А вот против тех, кого эллины демонами называли, а мы духами злыми считаем, против них в самый раз клинок. Против них, наверняка, и выковали его.

– Кто? – не удержался от вопроса Тарко.

– Кто выковал клинок, сказать не могу. И буквы на клейме до сих пор остаются для меня загадкой. Одно можно утверждать наверняка, что клинок не раз перековывали. Кто и когда мне опять же неведомо. И хозяев клинок сменил многих, и большинство из них мне неизвестны. Но вот об одном знаю доподлинно и сейчас расскажу. Слушай, это хоть и похоже на сказку, будет тебе не без пользы.

Тарко даже занятие бросил, так ему захотелось услышать хоть частичку из истории меча. Пёс тоже переключил внимание на хозяина. Может, понимал разговор, а может чувствовал важное для друзей.

– Давным-давно, когда на месте Новгорода Нижнего стоял совсем другой город и совсем другой народ обитал в нём, проживал в тех краях один чародей. Звали его Дятел. По нему, кстати, и Дятловы горы потом назвали. Но это уже сильно позже случилось. А в те времена,

о каких я веду речь, он был ещё молод, хотя успел стать уже известным среди лесных народов чародеем.

Вот как-то раз к нему пришли ходоки, посланные жителями Мещёрской Поросли и попросили защитить их село от некоего злобного духа или колдуна чёрного, что будто бы повадился приходить туда каждое полнолуние. А кроме прочих разнообразных пакостей, каких предания не сохранили, каждый раз уносил он с собой молодую девушку.

И как бы ни прятали селяне своих дочерей, как бы ни защищали их карты заклинаниями, а мужчины оружием, всё было бесполезно. Заговоры ломались, оружие не причиняло вреда колдуну, а девушки исчезали из запертых домов, из землянок. И даже находясь под надзором десятка мужчин, всё равно пропадали под утро, а сторожа потом не могли ничего вспомнить. Тогда и решили на сходке отправить посольство к Дятлу.

Выслушав ходоков, Дятел согласился помочь, он вообще был отзывчивым человеком, и накануне очередного полнолуния отправился в Мещёрскую Поросль. Он не знал, с кем придётся сойтись, а потому и не приготовил никакого особого оружия, никаких заклинаний. В молодые годы люди бывают очень самоуверенны и Дятел не исключение. Он просто вышел на майданчик, на каком обыкновенно жители собираются, уселся под рябиной и стал ждать.

Ему пришлось просидеть без дела всю ночь. Полная луна обошла небо, но злой дух не появлялся и лишь под утро, когда на востоке только-только начало светлеть, но тьма ещё не отступила совсем, Дятел увидел, как метнулся над крышами огонь. Необычным тот огонь выглядел, не таким, что мы видим в костре или над свечой. Иной, холодный, не разгоняющий тьму, а напротив как бы сгущающий её вокруг себя. Он пронёсся над домами, перескакивая с крыши на крышу, точно огненная белка, но ни пожаров, ни даже дымка не оставалось после этих прыжков. И, наконец, огонь достиг последнего на улице дома и исчез над ним. А, между прочим, там проживала семья местного вождя, и у него, как уже знал Дятел, было три дочери. И все три ещё не замужние.

Холодный огонь озадачил молодого чародея. Прежде ничего подобного он не встречал, разве что об Огненном Змее слышал, но тот не являлся ко всем подряд, а выбирал жертву большей частью из вдовушек, тоскующих по погибшему мужу. Этот же губил девиц невинных и не соблазнял вовсе, а похищал.

Тогда Дятел встал и принялся творить одно из самых сильных своих заклинаний, способное укротить любого духа, если только тот сам по себе, а не черпает мощь у богов. Поднялась настоящая буря. С зеленых деревьев срывало листву и мелкие ветки, а с крыш домов сдувало солому. Пыльные вихри бешено носились по улицам и крутили всё, что смогли захватить в объятья.

И тут на пороге дома появился некто, кто выглядел как человек и более того, как красивый мужчина, вот только необычные одежды его, развеваясь на ветру, скрадывали очертания и являли тут и там вместо плоти чёрную пустоту. Дятел понял, что перед ним колдун. И не какой-нибудь деревенский колдунишка, добывающийся от селян почёта и хлеба мелкими хитростями, а подлинный, стоящий на службе у кого-то из вершителей судеб. И как часто случается при долгом служении вышним силам, человеческого в колдуне осталось совсем чуть-чуть. Только обличье, голос, какие-то повадки, словечки.

На руках колдун держал девушку, которая или спала, или потеряла сознание, и Дятел узнал в ней старшую дочь вождя. Он ещё надеялся, что его чары смогут удержать колдуна, но тот с усмешкой посмотрел на бушующую вокруг стихию, а потом, переложив добычу на одну руку, другой взмахнул коротко, и разом всё стихло.

Тут он увидел Дятла. Подошел ближе и некоторое время пристально смотрел на чародея. Дятел попытался пустить в ход другие чары, но колдун только рассмеялся.

– Пустое дело, эти твои заклинания, человек... – сказал он.

И тут вновь поднялась буря, но теперь вперемешку с пылью вихри крутили холодный огонь, а один из них поглотил колдуна вместе с добычей и тот взмыл в небо огненным снопом и пропал в отступающей тьме. И девушка навсегда пропала вместе с ним.

Дятел рассердился на себя за легкомысленность, с какой он подошёл к делу и сильно расстроился. Впервые он не смог защитить людей. Он так переживал поражение и так стыдился прежних заверений, что не стал дожидаться пробуждения жителей, или будить их сам, а тихонько ушёл из Мещёрской Поросли.

– Сбежал? – поразился Тарко.

– Сбежал, – кивнул Сокол. – Но он не сдался, конечно, а отправился за советом к своему другу, которого звали Соловьём. Был он не просто чародеем, но ещё и умелым воином. И некоторые его подвиги хорошо помнят в наших краях. А Дятлу как раз и потребовался совет воина, так как чарами колдуна он одолеть не смог.

Выслушав товарища, Соловей долго думал и, наконец, дал совет. Он сказал, что существует клинок, способный выстоять против такого сильного колдуна. Но клинок этот совсем не просто найти и ещё труднее завладеть им. Соловей рассказал, в какой стране искать меч, как узнать его среди прочих клинков, а, главное, как заполучить, не став частью чужого замысла.

И Дятел отправился на поиски такого клинка и нашёл его.

– Этот самый меч? – вырвалось у Тарко.

– Этот самый, – кивнул Сокол.

– И где он нашёл его?

– Где? – переспросил Сокол. – Вот этого я не знаю. Где-то в дальних странах, надо полагать, потому что долго ему пришлось бродить.

А пока Дятел странствовал, колдун продолжал набегать на Мещёрскую Поросль каждое полнолуние и помимо прочих девиц похитил как-то среднюю дочь вождя, и осталась у того только младшая, которой только-только двенадцать лет исполнилось, всего-навсего, почти ещё девочка.

Сильно опечалился вождь, он уже перестал надеяться на избавление, и в чародеях, после поспешного бегства Дятла, совсем разуверился.

А тот как раз тогда и заявился в село с мечом. Сперва его плохо приняли. И бегство припомнили и обещания хвастливые. Но всё же, какая-никакая надежда людям вернулась. Да и Дятел немного другим стал. Серьёзным, основательным. Людей собрал для разговора, объяснил, что только сообща они колдуна одолеть смогут.

Накануне полнолуния сварил он зелье, что любой сон прогоняет. Мужчины выпили его, вооружились от мала до велика, засели по домам, но дверей не запирали. А сам чародей, как и прежде, на майданчике посреди села устроился.

И вот под утро вновь метнулся над улицей странный огонь, и опять, проскакав по крышам, исчез над домом вождя. Но теперь Дятел не стал тратить силы на бесполезное заклинание и ждать, когда колдун появится на пороге с жертвой в руках. Он бросился к дому и забежал внутрь через незапертую дверь.

Несмотря на зелье и на шум, устроенный чародеем, мужчины крепко спали. Как сидели, с оружием в руках. А колдун, уже приняв человеческое обличье, склонился над девушкой. Но, услышав шум, повернулся к чародею лицом.

– Ты не утомился ещё, человек? – засмеялся он. – Не пошла в прок наука? То-то смотрю, людишки сну противились долго. Знахарским отваром решил со мной справиться?

У Дятла кое-что мелось и помимо отвара, но он не стал вступать в разговор, а без лишних слов рубанул мечом по горлу похитителя.

Тот едва успел отпрянуть, шагнуть назад, отвести голову от летящего острия. Усмешка слетела с лица колдуна. Не ожидал он увидеть эдакий меч в руках обычного, как он полагал,

чародея. Но колдун не испугался, не бросился удирать. Взмахнул рукой и торопливо прочёл заклинание.

Не успел Дятел ударить второй раз, как в руке колдуна появился точь-в-точь такой же клинок, какой держал чародей. Озадачился Дятел. Ведь он не был воином и владел оружием не очень уверенно. Соловей помог ему советом, помог отыскать средство против колдуна, но выучить ратному делу за короткое время не мог.

– И как же он победил похитителя? – спросил Тарко.

– Вот слушай, – ответил Сокол, – Воином он не был, но смекалку имел. Стал он примечать, что куда бы ни ударил, какие бы хитрые движения ни предпринимал, его клинок всегда наткнулся на клинок колдуна. И даже когда он ошибался, ошибался вместе с ним и колдун. Тогда Дятел догадался, что враг сотворил меч-отражение, который повторял движение первого. Не совсем повторял, конечно, но повторить стремился. Возможно, это даже пришлось чародею на руку, ведь он сражался неумело и вряд ли сумел бы сам отразить выпад опытного бойца. Продолжаться такой бой мог очень долго, до тех пор, пока кто-нибудь из соперников не лишится сил. Ведь даже рассвет не заставил колдуна отступить и сонные чары с людей не спали, на что в тайне рассчитывал Дятел.

Тогда он придумал хитрость. Сделав шаг назад, что есть силы ударил клинком вверх, в перекрытие. И меч-отражение повторил этот удар, хотя колдун и попытался остановить его, почуяв неладное. Хитрость заключалась в том, что над Дятлом оказалась обыкновенная доска, а над призраком – матёрое дубовое бревно. И меч-отражение на короткое время застрял в дереве. А Дятел воспользовался заминкой, подскочил и дважды ударил похитителя – в то место где у людей сердце, и в живот. Колдун испустил протяжный вой, и вдруг его одежда стала расплзаться на куски, точно прогнившая тряпка, а куски раскрошились на кусочки поменьше и, наконец, став совсем крохотными и почти невесомыми, медленно опали точно чёрные хлопья сажи. А под одеждой ничего не оказалась, только чёрная пустота, но и та скоро исчезла, истаяла.

Вместе с колдуном исчезли и чары. Тут Дятла подстерегала ещё одна опасность, ранее им непредвиденная. Люди разом проснулись и, увидев перед собой вооружённого, покрытого чёрными хлопьями человека, разумеется, взялись за оружие. Чародея едва не убили, приняв за врага, и спасло его только то, что селяне после сна были вялы, а он отбивался, как мог и громко кричал своё имя. Потом уж его узнали, так что всё обошлось в итоге. Ну, а дальше обычное дело. Поздравления, благодарности, пир...

– И чародей женился на дочери вождя? – спросил Тарко и сразу же покраснел.

– Нет, – улыбнулся Сокол, – в те времена существовало такое поверье, будто чародей или колдун, если он женится, потеряет былое могущество. И сейчас люди ещё верят в подобные сказки, а тогда даже чародеи принимали угрозу всерьёз. Потому Дятел и не женился, ни на этой девушке, ни на какой-то другой. Хотя, поговаривали, что младшая дочь вождя ему приглянулась.

Сокол закончил рассказ, и в комнате повисла тишина. Даже пёс прикрыл глаза, как будто ещё раз переживая услышанное.

– А меч? – спросил Тарко, пришедший, наконец, в себя после рассказа.

– А меч куда-то пропал, – пожал Сокол плечами. – Дятел ведь не любил сражений, драк, и клинком не умел толком орудовать. Он с тех пор Угарман и не покидал почти. Сидел на своих горах, мудрые советы сородичам давал. А когда большая война пришла, его уже и в живых не было. Так что затерялся клинок.

– Но тогда получается, что все рассказы о погибшем в Чёрном лесу отряде враньё?

– Почему же? Я ведь только про меч тебе рассказал, а про Могильный курган ничего сказать не могу. Клинок туда и позже попасть мог. И скорее всего не Дятел его на курган

водрузил, а кто-нибудь ещё. Перековывали меч с тех пор не раз, и сколько он хозяев сменил за это время, кто знает...

Тут голос подвёл чародея, сорвался на неразборчивое сипение. Сделав рукой знак, Сокол попросил юношу подождать. Зачерпнул воду из бочонка, взял несколько крупных ягод, выдавил в кружку, и стал пить маленькими глотками.

Пока чародей утолял жажду, Тарко попытался упорядочить вопросы. И те, что возникли во время рассказа, и те на какие рассказ чародея ответов не дал. Сокол ведь изложил лишь малую толику пройденного клинком пути, и совсем не затронул будущего. А именно будущее волновало Тарко больше всего.

Он весь извертелся, ожидая чародея. Наконец, тот отставил кружку, покашлял, прочищая горло и, не дожидаясь вопросов юноши, сам перешёл к главному.

– Всё что я тебе до сих пор рассказывал, я не от меча узнал.

– Не от меча? – удивился Тарко.

– Нет. Знавал я в своё время и Дятла, и Соловья. Трое их было товарищей верных, Скворец ещё с ними дружил, всех троих знал, у всех троих мудрость перенимал. Они что-то рассказывали, о них тоже много слухов ходило. Конечно, вымысла много встречалось, что-то приукрашивали люди, что-то считали неважным. Но про сражение в Мещёрской Поросли я довольно точно тебе рассказал. А что до будущего...

Сокол помолчал, а потом без особой охоты произнёс:

– Ты недолго будешь владеть клинком.

Тарко вздрогнул, но быстро совладал с собой.

– Меня, что, убьют? – спросил он.

Но эдак спокойно спросил, будто уточнял, не предстоит ли ему остаться сегодня без ужина.

– Нет, думаю, не убьют, – успокоил чародей. – Вот что... меч этот не тебе предназначен. Не ты хозяин его.

Вот это уже был удар под дых, вот тут Тарко расстроился куда больше, чем от догадки про скорую смерть. Все его мечты разом улетучивались, и давешние приключения потеряли цену.

– Так почему же мне удалось его взять? – зацепился он.

– Хороший вопрос, – кивнул Сокол. – Не должен был ты его взять. По всем признакам не должен был. Но вот взял таки. И, значит, тебе теперь предстоит хозяину его доставить.

– Так что же мне его и на пояс не нацепить теперь? – ещё больше расстроился Тарко. – В свёртке носить? Хоть бы примерить разок, по городу пройтись.

– Нет, почему же? Носить вполне можешь и на поясе, и по городу пройтись, и сражаться им можешь. Меч тебя, пожалуй, даже беречь станет, потому как ты перед ним долг исполняешь. Он очень силен, этот меч, но и зависим от того, кто держит его в руках. Пока будешь хозяина искать, служить тебе будет честно.

– И кого я должен буду найти?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю.

– А как же я выполню долг, где найду неведомо кого? – испугался Тарко.

Мало того, что меча лишился, так ещё и путь предстоит новый. Как говорится, коготок увяз всей птичке пропасть.

– Думаю, сам меч и подскажет дорогу, – ответил Сокол. – Или судьба выведет. Раз ты добыл клинок, на тебя судьба и возложила поиски. Но конечно и мы не должны просто сидеть и ждать.

– Мы? – выдохнул Тарко облегчённо. – Ты, значит, поможешь мне?

– И хотел бы в стороне остаться, не смог бы.

Жалко было Тарко такого клинка лишаться. Но против вышних сил не пойдёшь. Судьба, это не Вутуй, бабушкиным оберегом не откупишься, тут и сам Сокол, богов задиравший, спорить не стал.

– А ты уже знаешь, где искать?

– Одна у нас зацепка верная, – сказал Сокол. – Мещёрская Поросль. С неё и начнём поиски.

Тарко вздохнул и начал собирать вещи.

Глава шестая

На муромской дороге

Через лес шёл монах. Необычный монах, странный. И странного в нём было много. Начать с того, что чернецы по муромским лесам так вот просто не хаживают, тем более по одиночке. Нет у них здесь никаких дел и быть не может. А вот врагов в избытке. Этот же шаггал уверенно, как будто полный опасностей лес был ему совершенно нипочём. На лице путника не отражалось не то что страха, но даже легкой тревоги. Он смотрел, конечно, под ноги, по сторонам, отмечал приметы, прислушивался к звукам, но при этом думал о чём-то своём, далёком как от нынешних забот, приведших его в муромские леса, так и от самого беспокойного леса.

Другая странность заключалась в том, что монах шёл оружным. Его чёрное похожее на рясу одеяние опоясывал меч, а прямо за спиной, под туго набитым мешком крепился здоровенный самострел. Он был настолько велик, что ложе торчало над головой путника, а дуги выдавались за его широкие плечи, так что издали могло показаться, будто чернец тащит куда-то крест.

Путник был ладно сложен, если не сказать крепок. Ни обычного для святого брата брюшка, ни лоснящегося лица, ни ухоженных, не знающих труда, рук. Он походил скорее на воина в рясе, чем на монаха с оружием.

Такое впечатление легко подтверждалось, стоило лишь проследить движение странника в обратном направлении. В дне ходьбы, посреди еле заметной тропки, пересекающей путь чёрного воина, лежало разваленное надвое тело вурда. Тут уж всякие сомнения исчезали окончательно – путник владел клинком отменно. Волосатому уродцу хватило одного единственного удара, а, судя по следам монаха, тот даже не сбился при этом с шага. Всякий живущий в этих местах скажет, что убить вурда не так-то просто. Он нападает неожиданно и действует молниеносно – не то, что меч выхватить, моргнуть не успеешь. Даже опытный воин не способен так вот, походя, зарубить злобного обитателя леса. А пришлый монах сумел и даже царапины не получил.

Так что странным он был, этот путник, во всех отношениях странным.

Прошагав размашистым шагом ещё с версту, монах на мгновение остановился. Прислушался к птицам, нашёл глазами пробивающееся сквозь тучи и густые шапки деревьев солнце и, удовлетворенно кивнув, продолжил путь.

Вскоре он вышел на дорогу. Проторенная много веков назад, она до сих пор не утвердилась окончательно, а от года к году меняла изгибы и петли, подобно руслу мощной реки. Сотни повозок, множество ног и копыт разбивали дорогу, дожди и снега превращали её в топкое месиво, и наступал миг, когда очередной купеческий поезд предпочитал пробивать объезд, нежели барахтаться в грязи. Старый путь понемногу зарастал подлеском, а с объездом вскоре повторялась та же история.

Старинная муромская дорога как раз и являлась целью пути. Некоторое время монах смотрел на неё, словно сравнивая с описанием и боясь ошибиться, а затем двинулся в сторону Муром. Самой дорогой монах, однако, не воспользовался, но направился вдоль неё, скрываясь за темно-зеленой стеной леса. Так он шёл, пока не подыскал подходящее для дела место – высокую сосну, растущую недалеко от дороги и возвышающуюся над всеми прочими деревьями.

Сосна чрезвычайно приглянулась монаху, он даже причмокнул губами от удовольствия. Прикинул на глаз высоту, расстояние до дороги, выбрал взглядом подходящую ветку. Десять

саженей от земли ровный ствол не имел ни одной серьёзной опоры, но выше торчали сучья толстые, надёжные, а ещё выше росли и ветви, способные укрыть человека.

Монах скинул мешок, освободил спину от самострела, достал верёвку с крюком и, некоторое время примеряясь, раскачивая крюк, одним резким движением забросил его на ближайший к земле сук. Несколько раз дёрнул, проверив крепость, вернул за спину мешок с самострелом и, легко работая руками и перебирая по могучему стволу ногами, взобрался наверх.

Монах устроился на самом верху, где ветви ещё могли держать без напряжения вес человека, без спешки пристроил вещи, снарядил самострел и, отложив его в сторону, немного отпил из баклагы. Затем он прислонился спиной к стволу, прикрыл глаза и задремал. Он, впрочем, не спал, слушал сквозь дрему дорогу, и вместе с тем отдыхал. Дважды мимо проезжали крестьянские повозки, но монах даже не насторожился. Во-первых, слышен был скрип колес, а он ожидал всадников. Во-вторых, обе повозки ехали из Муром, а нужные ему путники должны были направляться в город.

Через несколько часов монах услышал перестук копыт, затем голоса. Вот тут уж он встрепенулся, растёр ладонями лицо, разгоняя кровь и прогоняя дрему, и принялся высматривать всадников. Точно рассчитать встречу, учитывая долгий путь, почти невозможно. Но угадать, если есть к тому дополнительные средства, можно вполне. И монах довольно кивнул, поняв, что увидел тех, кто ему требовался.

Небольшой конный отряд состоял из двух молодых господ и пяти простых ратников. Они ехали не спеша, зная, что до конца путешествия осталось всего ничего, а солнце зайдёт не скоро. Воины больше молчали, зато юные господа говорили без умолку, а о чём именно, разобрать монах не сумел. Он упёрся ногами в сучья и взял прицел.

Один из двух ему нужен, а вот который? Держатся мальчишки на равных. Правда, у одного конь знатный, какого не под всяким князем увидишь, зато второй одет побогаче. Из разговора можно было бы уяснить, кто есть кто, жаль, ветер слова в сторону уносит, звуки мешает. Долго монах самострелом водил уж и отчаялся угадать. Но вдруг на одном из парней застёжка серебряная сверкнула, и не успел блеск погаснуть, как соскочила с самострела смерть.

От тяжелой стрелы, выпущенной с тридцати шагов, да из такого оружия, не упасут никакие доспехи. Юноша был обречён. Но вмешалась судьба. Когда монах уже нажимал на спусковую скобу, в лицо ему с соседней ветки неожиданно метнулась птица. Даже не птица, скорее птенец едва оперившийся. Он не смог помешать выстрелу. Но всё же прицел сбился, и стрела ушла чуть-чуть в сторону.

***

Суздальский княжич Борис, младший сын Константина Васильевича, направлялся в Муром, сопровождаемый отцовскими кметями и боярским сыном Васькой Румянцем. Ваську приставили к княжичу в качестве товарища и тот, понимая назначение на свой лад, всю дорогу донимал Бориса разговорами о битвах, подвигах, походах большей частью чужих, а если своих, то ещё не свершённых. Наивные виды молодого боярина относительно будущего мешали княжичу насладиться важностью настоящего. Как ни крути первое самостоятельное поручение. Может и невелик подвиг, но какой уж есть. Тут бы прикинуть, подумать, как бы лучше справиться и в грязь лицом не ударить. Но Васька сосредоточиться на отцовском поручении не давал, а Борис, не желая в первом же деле прослыть самодуром, властью не злоупотреблял и потакал Румянцу.

Воины в господские разговоры не лезли, ехали молча и поглядывали по сторонам, только что не зевая от скуки. У них-то таких поручений за плечами не один десяток уже. А Муромская дорога не лучше и не хуже других, разве только погода балует. Солнце то проявляется, то скрывается в тучах, дождь то прекращается, то начинается вновь, а холодный северный ветер,

несмотря на густой лес, бьёт в спину, будто степной, пробирая до костей даже согретых скачкой людей.

Ничего подозрительного никто из воинов не заметил, и даже услышанный звук они приняли за шорох крыльев. Но Бориса вдруг что-то с силой ударило под рёбра. Так мощно и неожиданно, что чуть из седла не выбило. Он качнулся, едва удержав равновесие, и крикнул:

– Ходу!

Не дожидаясь ответа, княжич со всей силы ударил пятками по лошадиным бокам и пристал в стременах. Конь дёрнулся от неожиданного приказа, но всё же взял резво. Отряд, не раздумывая, бросил лошадей вскачь, стараясь не сильно отстать от юноши.

– Что случилось, князь? – спросил на ходу Румянец.

Недоумение читалось и на лицах воинов. Они не понимали в чём дело, чем вызван неожиданный рывок. Быть может, молодой князь решил кровь разогнать, согреться, или проверить их выучку? А может, боярская болтовня ему опостылела?

Борис без слов показал рукой на свой бок. Плащ в этом месте оказался разодран в клочья, а боковую дощечку доспеха пересекала глубокая борозда, по обеим сторонам которой закрутились колечки железной стружки. Кмети запоздало принялись оглядываться назад и по сторонам, но вновь ничего опасного не заметили.

Скакали они недолго. После очередного поворота дорога пошла круто вниз и вскоре показалась речка Ушна, за которой стоял старый княжеский городок. Теперь он пустовал, а частью даже был разобран – князя вместе с двором вернулись в Муром. Но даже зияющие пустотами стены, казались какой-никакой, а защитой. Потому, миновав мост, Борис придержал коня и перешёл на шаг, а потом и вовсе остановился. Оглядел более внимательно бок и аж присвистнул

– Ого! Чуть пополам дощечку не разрезало! – восхищённо отметил он. – А попала бы в грудь, думаю, насквозь прошибла бы и дальше бы полетела. Вот это силища! Это ж, из какого оружия так стрелу послать можно?

Казалось, он совсем не испугался того, что оказался так близко от гибели.

– Есть такое оружие, – заметил самый старый из воинов, Тимофей, которого даже князь из уважения не называли Тимохой, вот уже лет десять. – Тяжелый самострел – артабалет. В поездки вроде нашей его не берут, неподъёмный уж больно, да и в походы отправляясь, редко таким оружием запасаются. А вот со стен осаждённых бить из него в самый раз. Даже тяжёлый доспех божьих дворян прошибает навывлет. Только вот заряжать такое чудо – два-три человека надобны.

Тимофей задумался.

– Кто бы это мог быть? – спросил он. – Разбойники с таким оружием не шастают, нечисть тем более. Врагов в этих местах у нашего князя нет. Странно всё это.

– Может вернуться, посмотреть? – предложил Румянец.

– Не нужно, – возразил старшина. – Враг, кем бы он ни был, в князя метил. Уж не в нас с тобой точно. А второй раз может и не промазать.

– Да может, он и сбежал уже, – боярский сын не хотел уступать в споре простому воину, пусть тот вчетверо его старше и в сорок раз опытней.

– Ну, а если сбежал, то тем более делать там нечего, – рассудил Тимофей.

– Пожалуй, – согласился со стариком Борис, – тем более дело у меня такое, что в стычки вступать не следует. Мало ли что.

До Мурома от старого городка рукой подать. За Ушной места пошли обжитые, пошли крупные сёла, дорога оживилась и выглядела совершенно безопасной. Остаток пути проехали

молча, даже Румянец заткнулся, переживая случившееся – погибни княжич и его службе конец.

На Бориса накатил запоздалый страх, но с ним он справился быстро – чего уж теперь бояться – зато стал размышлять, кто бы это мог зло замыслить? Его посольство в Муром держали в строжайшей тайне. Знали, о нём кроме братьев и отца лишь несколько ближайших бояр, да все те, кто ехал сейчас с ним. Ради тайны и путь необычный выбрали. Не по Оке на корабле, как принято всеми и весьма удобно, и даже не Берёзопольем и далее мордовскими землями, как короче, хотя и опаснее, а большим крюком через Гороховец, по самой кромке владимирских земель. Так что если кто и приметил отъезд княжича, то в сторону Владимира, никак не в Муром.

В предательство кого-то из бояр поверить трудно, невозможно даже. Отец только в прошлом году учинил основательную перетряску своего окружения. Несколько лет без суеты, потихому, вызнавал, кто из бояр и дворских, какому из соседей доносы шлёт, кто рот на замке держать не умеет, болтает лишнего под хмельком или хвастовства ради. Пока вызнавал, пальцем никого не тронул, но подозреваемых к важным делам не допускал. А вот как пришло время в Нижний Новгород переезжать, да государство новое поднимать, тут и началась потеха. Всех подозреваемых разом, в одну-единственную ночь похватали княжьи слуги. Вырывали из постелей тёплых от жёна да жёнок, из-за столов вытаскивали с затянувшихся гульбищ. Никто ни пикнуть не успел, ни весть подельникам возможным подать. Константин Васильевич дело не затягивал, той же ночью устроил судилище. Как водится, скорое, но справедливое. Иных, кто просто по глупости болтал, по неосторожности, он прогнал только, по мелким городкам разослал; иных, кто за серебро изменил, без жалости приказал казнить. К утру Константин Васильевич имел верные и надежные, как ни у одного князя, боярскую думу и двор. Так что бояре исключаются. Дворские, если кто из них и прослышал о посольстве случайно, исключаются тоже. Напуганы они лет на десять вперёд.

Остаются простые люди. За всеми даже княжеские доносчики уследить не могли. Но и тут не всё складывается. Воины во главе с Тимофеем, что сопровождали Бориса, узнали о посольстве перед самым выходом. Да и никаких подробностей им не рассказывали. Другие, те, что в Нижнем остались, и вовсе о посольстве ни от кого узнать не могли. Так что и здесь концов не найти.

Не последний вопрос, а зачем собственно его хотели прикончить? Посольство, хоть и тайное, но не бог весть какое уж важное. То есть вопрос важный, конечно, союз как-никак, но от того доедет Борис живым или нет, важность нисколько не умаялась. У отца ещё Дмитрий есть и Андрей, большой знаток переговоров, и князей под рукой довольно, чтобы дело до конца довести. Быть может, кто-то хотел поссорить соседей? Но для этого умнее было бы подстроить убийство уже в самом Муроме, когда муромский князь ответственность хоть какую-то за княжича нёс бы. Так что и с этим вопросом не всё ладно.

Правда, возможно, что охотились вовсе не Бориса. На какого-то другого князя или боярина. А может и на купца. По одежде, поди, отличи, кто едет, а фибулу княжескую на накидке из леса и не видно, небось. Тогда гадай, не гадай, ничего не придумаешь. Но, подумав, посчитав так и эдак, Борис сам себе признался, что это слабое утешение и надеяться на простоту не стоит. Боком выйдет.

Борис вспомнил о боке. Тот ещё болел, но уже терпимо. Хотя большущий синяк наверняка на неделю останется. Мысль прервалась, и больше ничего княжичу в голову не пришло до самого Муroma.

***

Увидев город, Борис поначалу удивился. Хотя он впервые оказался в этих лесных краях, но много слышал и читал о Муроме раньше. И услышанное, и прочитанное никак не вязалось с действительностью. Тот ли это древний град, что стоял здесь испокон веков? Та ли былинная крепость, порождавшая богатырей? Даже в сравнении с небольшим Городцом, нынешний Муром казался крохотным пограничным острожком.

Впрочем, судить о величии было рано. Строительство продолжалось. Стены и башни росли, а проезжая через посад, суздальцы заметили множество расчищенных под дома мест, с работающими допоздна людьми, множество готовых к сборке срубов. Приятный запах смолы и свежей древесины переполнял воздух. Борис будто вернулся на миг в Нижний Новгород, который тоже отстраивался теперь, после переноса в него престола суздальских князей. Борису строительный дух нравился – хороший такой дух, вселяющий надежду и наполняющий сердца радостью созидания. И хотя молодой княжич не чурался ратного дела, строительство с недавних пор стало ему куда как ближе и приятнее. Он заразился им, когда сменил замшелый, покрытый вековой пылью Суздаль, на растущий и бурлящий Нижний Новгород. Вот где шла настоящая жизнь! Вот где зримо виделось будущее. И потому теперь, встречая взглядом приветливые лица горожан, княжич улыбался в ответ. Он понимал их душевный подъём, разделял его и ощущал некое родство с незнакомыми и простыми людьми.

Городские ворота были открыты настежь, кое-где на верхних ярусах ещё продолжались работы. Но стража уже стояла, внимательно осматривая проезжающие возы и проходящих людей, хотя препятствий никому не чинила. Посреди всеобщего воодушевления хмурые рожи дружинников вызвали у княжича тревогу. Видимо не всё в Муроме ладно, не всё гладко складывалось у местного князя.

– С посланием князю Юрию Ярославичу от великого князя суздальского Константина Васильевича, сын его, Борис, – произнес торжественно на одном дыхании Румянец, выпрямив спину и, задрав голову, как будто именно он и являлся княжеским сыном.

Стражники, если и смутились, то виду не показали, поклонились, как положено, уважительно, но и только. Ворота – вот они, настежь открыты, а без дозволения не сунешься. И дозволения не последовало. Слова всего лишь слова. Мало ли кто говорить их складно научится. Всякое бывало. И одежда богатая не только князей согревает, а лихие люди иной раз и побогаче одеваются.

Как правило, о таких посольствах предупреждают заранее, и встреча тогда оказывается более радушной. К воротам сам князь выходит или уж во всяком случае воевода, из бояр кто. Но Константин Васильевич, не желая лишней огласки, отправил младшего своего сына тайно, поэтому и пришлось им постоять под стенами, пока один из дружинников не сбегал быстро к палатам и не доложил кому надо о неожиданном посольстве.

Воевода, подскочил, как положено, на коне, хоть и было тут совсем близко. Спешился важно, без суеты, принял посольскую грамоту от Румянца, прочёл, разбирая, казалось, каждую букву. Затем поклонился Борису, на накидке которого разглядел белого сокола – знак Суздальского Дома, и только потом пригласил всех в город.

По пути познакомились ближе. Воеводу звали Слепень и оказался он человеком общительным и добродушным. Показал издали, где обитают князья, где обучается ополчение и собирается дружина, где кузни, где храм, где конюшни, но, показав всё это, повернул гостей к собственным хоромам.

– Только отстроились, – извинился он. – Домов готовых мало ещё, так что прошу на мой двор. Пока отдохните с дороги, а я быстро князя сыщу.

Передав своего аргамака подбежавшему слуге и наказав отшагать лошадь с дороги, что бы та хорошенько остыла, Борис со спутниками последовал за Слепнем.

Несмотря на растопленную печь, в хоромы воеводы оказалась даже холоднее чем на улице, к тому же по горнице гуляли сквозняки от плохо заделанных стен. Поэтому путники, сбросив лишь влажные плащи, уселись поближе к печи. Воевода приказал подать вина и дичины, а сам, передав гостей на попечение слуг, отправился искать князя. Борис, всё ещё ёжась от холода, припомнил привычку старшего брата и попросил вино подогреть. Румянец потребовал того же, а Тимофей от такого чудачества отмахнулся и предпочёл всему жирный кусок мяса.

Скоро появился князь в сопровождении обоих своих сыновей. Он словно вихрь ворвался в дом воеводы и устремился к гостям. Жажда деятельности просто кипела в пожилом уже человеке. Молодые князья вели себя сдержанно, вперёд отца не совались, а встали скромно рядом с воеводой.

Прозвучали должные представления, обмен приветствиями. Борис протянул Юрию Ярославичу тайную отцовскую грамоту, предназначенную для передачи из рук в руки, а князь тут же её распечатал. В полной тишине зашелестела дорогая кожа. Никто не присел, не тронул кубков с вином. Пока Юрий читал, шевеля губами, его сыновья и Борис внимательно присматривались друг к другу.

Павел был намного старше Бориса и отличался от деятельного отца более степенным видом, видом умудрённого жизнью человека. Пётр одних с Борисом лет, может быть на год-два старше, больше походил на Юрия. В глазах его ещё не угас огонь детского озорства, юношеских мечтаний, но уже явно пробивались воля и целеустремлённость отца.

Вся семья, несмотря на различия в возрасте и темпераменте, производила впечатление суровых воинов порубежья – непрестанно воюющих, но не гнушающихся при случае и за простую работу браться. Похоже, князьям частенько приходилось менять плотницкие топоры на боевые, ставить острожки, оборонять их, или скрываться от врага в лесах и нападать из засады. Для Бориса подобная жизнь смахивала на сказку. Ему же самому, с его тихим детством в стольном Суздале, и нынешнее посольство вполне сошло за великое приключение.

– Москва, чтоб её... – выругался князь, прочитав свиток, – ...ну нигде от неё покоя нет, всюду лезет, всё под себя гребёт.

Князь взволновано прохаживался по горнице, держа послание за спиной. Борис отцовской грамоты не читал, но сообразил, что московские дела допекли многих. Чем не повод объединиться в союз?

– Слышал, стреляли в тебя по дороге? – спросил неожиданно Юрий. – Где? Кто такие, разобрались?

– Стреляли, – признал Борис. – Недалеко от Муромы, в часе езды, примерно. Кто такие, не знаю, сам гадаю всё время. Но если подумать, то вроде как некому. Врагов-то у меня здесь нет. А отцу хоть моя смерть и расстройством выйдет, всё же не станет помехой в делах. Я же не старший, не наследник...

– Может с посланием как-то связано? – предположил Юрий. – Вот и мещёрский княжич что-то позднится. Считай, неделя как должен был прибыть. И тоже с письмом от отца. Кто-то мешает нам.

– Уж не Фёдор ли голову поднимает? – спросил Павел.

– Фёдор? – удивился Борис.

Он попытался припомнить это имя среди возможных врагов Суздаля, но никого подходящего под образ злодея не смог подобрать. Юрий же не ответил ни гостю, ни сыну, прошёлся по горнице ещё раз.

– Вот что, – сказал князь. Спускать такое нельзя, надо серьезно разобраться. Вернуться на то место, стрелу найти. Осмотреть всё кругом, следы поискать. Жаль, вы сразу-то этого не сделали. Сейчас и след поди уж простыл.

– Так отец строго заповедал мне в стычки по дороге вступать, – начал оправдываться Борис. – Прежде велел грамоту свести.

– Всё верно, – успокоил Юрий. – Грамоте в чужие руки попадать не следовало.

– Всё равно поискать надо, – заметил Павел. – Разреши, я с парнями сгоняю. Сегодня уж поздно, до темноты не успеем, а завтра утречком и съездим, посмотрим. Возьмём кого-нибудь с собой из суздальцев. Хоть вон боярина молодого, чтобы место указал.

– Хорошо, – одобрил князь. – Только до совета обернись. Дело важно предстоит обсудить. Эх, времени на всё не хватает, а то бы и сам съездил.

Он посмотрел на Бориса.

– Что скажешь, кого из твоих с Павлом послать?

– Да я и сам могу, – с готовностью вызвался Борис.

– За тобой охотились, – напомнил Павел.

– Утром-то опасности уж и не будет никакой, – отмахнулся Борис. – Не ждут же они там, пока дружина нагрет. Да и грамоту я уже передал.

– Нет, ты не поедешь, – сказал Юрий. – У нас с тобой завтра утром разговор будет с глазу на глаз. Кроме как утром время не смогу выкроить. А поговорить надо.

– Ну, тогда старшину пусть возьмут, Тимофея, – подумав, предложил княжич и показал на старого воина. – Он человек опытный и место запомнил.

Тимофей согласно кивнул.

– Вот и хорошо, – сказал князь и хлопнул ладонями, заканчивая разговор. – О деле мы, стало быть, завтра поговорим. Людей твоих Слепень разместит, слышишь, воевода? Кого здесь оставишь, кого к дружинникам или к боярам, сам решай.

Воевода кивнул. Князь вновь повернулся к Борису.

– А ты давай к Петьке, что ли переселяйся, – предложил он. – Больно уж холодно тут у воеводы. Ну а мне ещё надо другие дела докончить. Так что теперь уж завтра свидимся.

Юрий, подумав ещё немного, вдруг на что-то решился и быстро вышел из дома. Вместе с ним ушёл и Павел. С гостями остались воевода и младший княжич. Все вместе допили вино, доели ужин. Но разговоры уже не вели. Устали.

– Ну, пошли, – сказал Пётр Борису.

Палаты по здешним меркам выглядели внушительно, хотя с каменными суздальскими и даже с недавно поставленными нижегородскими их не сравнить. Бревенчатые, двухъярусные, со множеством помещений, большая часть из которых ещё достраивалась, они вполне удовлетворяли Муромских князей. Несмотря на поздний час, повсюду ходили мужики с топорами и тёсом, слуги таскали коробки и сундуки, а за всем этим потоком людей и вещей присматривал местный дворский. Печи тоже сложили далеко не везде, и неожиданные для этого времени холода застали прислугу врасплох. Отапливались пока только княжеские покои, терем княжны и несколько нижних комнат. По всему остальному дворцу гуляли сквозняки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.